

E41 266

Бухарин Н. Три речи.

12
Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Н. БУХАРИН

ТРИ РЕЧИ

(К ВОПРОСУ О НАШИХ РАЗНОГЛАСИЯХ)

69

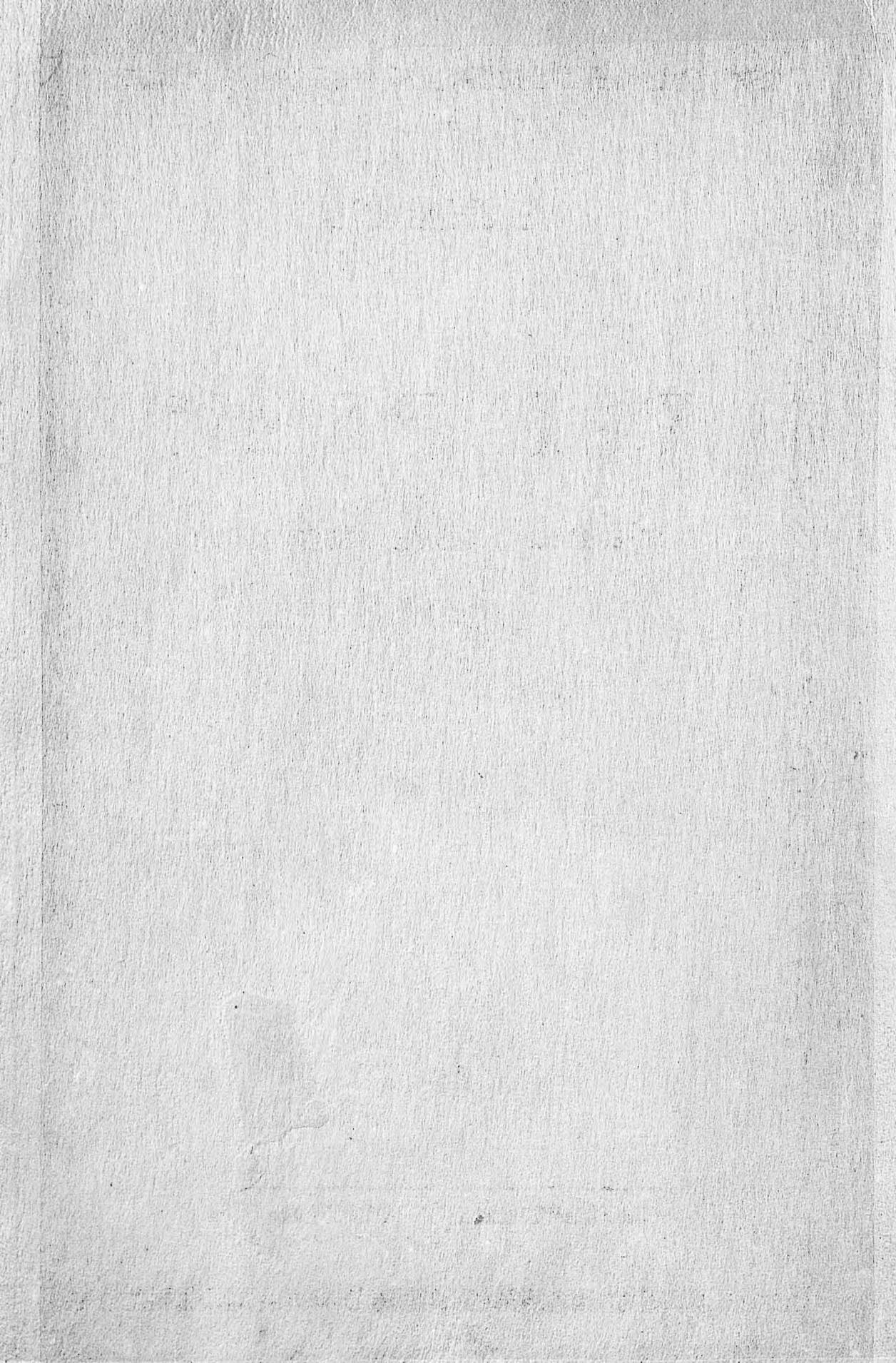
72

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1926

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Е41-
266

Н. БУХАРИН

x

ТРИ РЕЧИ

(К ВОПРОСУ О НАШИХ РАЗНОГЛАСИЯХ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

1067

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 141560 г.

M
✓

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая брошюра представляет собой три речи, произнесенные на различных этапах нашей теперешней дискуссии: XIV партконференция—московская губпартконференция—XIV партсъезд,—таковы эти этапы.

Думающий читатель,—а именно к такому и обращается данная брошюра,—без труда определит, насколько ценен тот визг о „новой школе“ и прочем, который несется со стороны некоторых неуравновешенных органов печати и отдельных лиц. Думающий читатель без труда увидит, что

1) еще на XIV партконференции я точно сформулировал положение о двух уклонах (могу заметить в скобках, что первый раз я сделал это еще раньше, а именно в своем докладе в Большом театре), и что таким образом многие визгливые товарищи лишь повторяют мои положения и кричат, что я же о них „забываю“;

2) что еще на XIV партконференции я выдвинул положение об обострении в ближайшем будущем классовой борьбы в деревне;

3) что еще на XIV партконференции я видел весь смысл нашей политики в усилении социалистических элементов хозяйства (а вовсе не в ставке на кулака);

4) что я впервые в нашей дискуссии выдвинул положение Ленина о старательном середняке, как „центральной фигуре“;

5) что идея поддержки бедноты проходит у меня красной нитью, но общая болтовня об этом заменена указанием конкретных форм помощи.

И т. д.

Думающий читатель без труда увидит также, насколько „поленински“ ставят вопрос товарищи, выступающие против меня, а равно и против большинства партии, с легкомысленными обвинениями.

Партия теперь гигантски выросла. Каждый член партии может читать, сличать, проверять написанное, сверять с тем, что думал по этому поводу Ленин, сверять с официальными решениями партии и т. д.

Пусть и эта брошюра послужит некоторым материалом для товарищей рабочих. На большее она не претендует.

Н. Бухарин.

Речь на XIV всероссийской конференции РКП(б) 29 апреля 1925 года.

Товарищи, прежде всего я извиняюсь перед вами и перед тов. Дзержинским за то, что вклиниваюсь в прения по вопросу о металлопромышленности с вопросом, который уже был формально и по существу решен. Но, товарищи, я считаю себя в праве до известной степени просить у вас о внеочередном выступлении, ибо я не мог ответить вчера на прямую полемику, направленную против меня, и у членов конференции могло создаться впечатление, что я являюсь белой вороной среди членов ЦК, Политбюро и т. д., а тов. Ларин есть призванный ментор, который указывает мне пути при рассмотрении вопросов крестьянского хозяйства. Я поэтому не буду развертывать всей постановки вопроса, тем более, что на-днях, я думаю, мне удастся выпустить полностью специальный печатный доклад, посвященный всей основной группе вопросов, связанных с нашей аграрной политикой, и, таким образом, каждый член партии и конференции сможет встретить там полную, развернутую аргументацию с моей стороны.

Я, товарищи, считаю, что основными уклонами, которые имеются сейчас в партии по крестьянскому вопросу, являются два уклона, две неправильных постановки вопроса. Я остановлюсь вначале на первом из этих уклонов. Некоторые товарищи считают совершенно правильным взгляд, что нужно сейчас развивать в целях оживления всего народного хозяйства в целом верхушечные слои в деревне, развязывать (т.е. дать возможность развиваться) даже кулацкое хозяйство, не говоря уже о хозяйстве зажиточного крестьянина, середняка и т. д.

Одно связано с другим, и, развязав самую верхушечную часть сельскохозяйственной буржуазии, вы тем самым развязываете и ниже ее стоящие социальные и хозяйственные прослойки. Но ошибка этого уклона состоит в том, что он не видит другой по-

ловины задачи: для чего все это делается? Правильная постановка вопроса, по крайней мере как я ее понимаю, заключается в том, что нам необходимо развивать эти отношения для того, чтобы увеличить сумму всего национального дохода, для того, чтобы увеличить сумму дохода, которая получается в сельском хозяйстве, чтобы вместе с тем увеличить оборот, увеличить суммы, которые получают в государственной промышленности, для того, чтобы увеличить все, что получает государственная казна, и для того чтобы таким образом увеличить суммы, которые могут находиться в руках государственной власти рабочего класса и которые должны быть, если мы берем линию нашей деревенской политики, направлены в виде сельскохозяйственного кредита и т. д. на поддержание основной массы сельскохозяйственного населения в ее хозяйстве, т.-е. в первую очередь на поддержание середняков и бедноты, на поддержку их кооперации и колхозов.

Я считаю, что достаточно правильной остается формулировка, что мы идем на развитие нэпа в деревне, которого до сих пор почти не было, что мы на это пойти теперь можем, потому что у нас есть командные высоты, которых раньше, по существу дела, не было. Ибо опасности, которые стояли перед нами, стали меньшими, поскольку эти командные высоты у нас в руках. Следовательно, если вы спросите нас, совершенно справедливо, будет ли ставиться ставка на зажиточный слой, на кулака, мне кажется, на это нужно будет ответить отрицательно. Тот ставит „ставку на кулака“, кто говорит: развертывайте кулацкое хозяйство, и больше ничего, остальное приложится. Будем развивать капиталистические отношения, и это все.

У нас в партии есть товарищи, которые настроены таким образом: „Что вы там болтаете о всяких социализмах в деревне, у вас будут развиваться самые настоящие капиталистические отношения, как это ни неприятно, и больше ни черта“.

Правильно ли это? Я считаю, что это неправильно. Теоретически это неправильно, практически мы можем обозначить это, как „кулацкий уклон“. Эти товарищи не понимают, какое значение имеет пролетарская диктатура; они представляют себе развитие капиталистических отношений и только; как-будто у нас не было и нет никакой пролетарской диктатуры! Как-будто бы у нас нет ВСНХ, который находится в руках пролетарской власти; как-будто у нас нет банковской системы, сельскохозяйственного кредита и т. д.! В буржуазных странах после аграрной революции

развивались особенно быстро капиталистические отношения. Но у нас существует пролетарская диктатура, которая есть не только государственная власть, которая есть еще огромный хозяйственный кулак. Пролетарская диктатура вносит такие „поправочки“ во весь ход хозяйственного развития, которые в значительнейшей мере изменяют весь этот ход развития.

В чем заключаются эти изменения? В том, о чем говорил тов. Ленин. Финансируя строительство кооперативов, мы тем самым финансируем строительство социализма. Следовательно, если мы говорим, что нужно сейчас развязывать кулацкое хозяйство и хозяйство середняков, то мы в то же время имеем целый ряд мер, которые ограничивают связанные с этим эксплуататорские стремления. Но все же жить и накапливать кулаку мы даем. Для чего? Для того, чтобы получить добавочный фонд с целью финансирования кооперативного строя, в первую очередь кооперативной середняцкой массы, кооперируя ее, поддерживая ее путем соответствующих кредитных ассигновок. Совершенно ясно, что эту большую экономическую стратегию смешивать со „ставкой на кулака“ нельзя. Почему? Потому, что „ставка на кулака“ или даже „ставка на зажиточного“ означает развязывание кулацкого хозяйства, и больше ничего. А то, что сейчас предлагается делать, и то, что я пытаюсь обосновать, заключается в том, чтобы этот процесс „развязывания“ использовать для поддержки и финансирования. Чего? Антикапиталистического элемента (объективно антикапиталистического) в деревне, на который мы ставим действительную ставку. Если мы спросим, на что мы ставим свою ставку в деревне, то мы должны ответить: на рост социалистических элементов хозяйства, так как для нас в полной мере остается правильным положение тов. Ленина, как он формулировал его в недавно напечатанном наброске брошюры о продналоге. Он говорит (цитирую на память): „Старательный крестьянин, старательный середняк — центральная фигура в нашем сельском хозяйстве“.

Правильно ли это? Да, правильно. Мы правильно определили линию, конкретизировали ее, как линию на кооперацию, не для того, чтобы кричать „кооперация, кооперация, кооперативный и еще кооперативный“, а для того, чтобы помогать этой центральной фигуре. А для этого нужно развязать наш товарооборот. Можно нарисовать здесь некоторую аналогию. Мы допустили частный капитал; мы оказались не так давно в состоянии, благодаря нашим экономическим высотам, так сжать его, что до некоторой степени

получили даже нежелательный для нас эффект. Мы можем держать частный капитал в своих руках, мы можем „отпустить“ и можем „сжать“. Можно ли сказать, что мы „ставим ставку“ на буржуа, когда мы его „отпускаем“, находясь на определенной ступени развития? По-моему, нет. Мы „отпускаем“ и смотрим, сказывается ли это на увеличении национального дохода и хозяйственной мощи. Есть ли это „ставка на новую буржуазию“? По-моему, нет. С этой же точки зрения нужно подходить теперь к новой полосе отношений в деревне. Это не „ставка на кулака“, а ликвидация такой системы, которая была раньше примерно в городах, о чем я уже однажды говорил, когда все магазины были в наших руках, когда на каждом из них было написано „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, но когда в этих магазинах ничего не было, ничего нельзя было купить, и нечего было кушать. Мы „развязали“ потом частного торговца, мы кое-что от него получили, и прямо, и (еще больше) через усиление общего товарооборота, и обратили этот прирост ценностей на усиление наших собственных позиций. Те кто видит одну половину проблемы — развязывание хозяйства, развязывание нэпа в деревне — и не видит другой половины — помогать всем слоям, на которые мы опираемся, — те подвержены „кулацкому уклону“.

Но у тов. Ларина, который здесь выступал, — другой уклон, противоположный. Если первый уклон говорит: развязывание кулака, и больше ничего, то тов. Ларин впадает в противоположную крайность. У него как выходит? У него нет середняка. У него как в загадочной картинке, середняк исчез. Но вы можете сколько угодно искать этого середняка и не найдете его. У тов. Ленина середняк был „центральной фигурой“. Остается ли он центральной фигурой сейчас? Да. А где у Ларина середняк? Он исчез. Тов. Ларин говорит: „капиталистические отношения“ — на одном полюсе сельскохозяйственные батраки и пр., на другом — сельскохозяйственная буржуазия. Это хорошо, это элементарно известно. Соответствует ли, однако, это всей действительности? Это не соответствует всей действительности, потому что тов. Ларин забывает о „центральной фигуре“. Он берет два полюса и говорит: к этому сводится все дело. Не к этому сводится дело, неправильно видеть два полюса, не видя основной массы крестьянства. Кулаков и зажиточных сколько насчитывается? Около 3%, не более 3—4%. И говорят о том, что у нас уже чуть ли не фермерство есть. Это уже, конечно, преувеличение. Верно,

что у нас будет расти и фермерство в ближайшее время. Но когда мы определяем всю политику, то нам нельзя не соблюдать действительных пропорций, мы должны брать в правильном соотношении все слои деревенской массы. У Ларина середняк исчез, его нет, этого середняка надо искать днем с фонарем в концепции тов. Ларина. Отсюда вытекает его своеобразный уклон, который есть продолжение небольшевистской политики в отношении крестьянства. Это есть продолжение старой политики, небольшевистской, по отношению к крестьянству, политики, вытекающей из такого взгляда, где середняк как-то исчезает. Итак, концепция тов. Ларина заключается в том, что середняк остается в тени, есть кулак—с одной стороны, и пролетарий—с другой, а наша задача, как „ортодоксальных марксистов“, заключается-де в том, чтобы обострять классовую борьбу, и это обострение классовой борьбы приведет нас ко второй революции, т.-е. „обострение классовой борьбы“ приводит к тому, что один класс свергает другой, т.-е. его экспроприрует. Это вытекает из всей позиции тов. Ларина. Если он вчера пытался перед нами отшутиться и говорил, что тогда Советская власть будет достаточно сильна, чтобы „одним декретом“ произвести эту революцию, так ведь так говорить нельзя. Не „сразу“ же станем мы так сильны, чтобы одним декретом уничтожить этот могущественнейший слой, который—в ларинской картине—претендует на власть. У него концепция такая, что кулак страшно усиливается, что он обладает колоссальной силой, при полном отсутствии на сцене середняка, и потому,—это вытекает вполне естественно из таких предпосылок,—нам придется его экспроприировать. Но эта экспроприация в речи тов. Ларина производится, как в оперетке. Сперва напугали колоссальным врагом, а потом сразу „смахнули“ его одним декретом. Разве не ясно, что здесь не увязаны концы с концами? Если нам придется производить экспроприацию, как думает тов. Ларин, это значит, что нам придется идти на „вторую революцию“. Но тогда нечего прятаться за „декрет“, тогда нужно сказать, что мы должны идти на то, что у нас будет второй тур чисто-капиталистических отношений в деревне. В городе будет у нас все—или почти все—пролетарское, а в деревне все, как при капиталистическом режиме. В городе будет все идти так, как теперь, а в деревне мы будем иметь капиталистические отношения эксплуататора с эксплуатируемым, и, наконец, мы „экспроприруем экспроприаторов“. Когда мы дойдем до этого, т.-е. когда мы произ-

ведем вторую революцию в деревне, тогда две половинки (город — с одной стороны, деревня — с другой) у нас выравниваются. Вот что следует из этой концепции. Повторяю, если тов. Ларин вчера в противоположность тому, что он говорит в своей брошюре „Рост крестьянской общественности“, попытался отшутиться „декретом“, то, товарищи, ведь эта шутка является плодом непродуманного анализа того, что в действительности имеется. Возьмите любое произведение тов. Ларина. У меня под руками его брошюра „Рост крестьянской общественности“. Там, например, мы читаем: „Чье лицо намерено пристально глядеть на деревню? Лицо пролетариата. А это означает покровительство колхозам, а не кулакам“. У него есть колхозы и кулаки, а середняка совершенно нет. У него вся ориентация такова, как я изобразил ее сейчас. Правильна она или неправильна? Неправильна, разумеется. В чем заключается здесь центральная ошибка? Эта центральная ошибка заключается в том, что он не видит, что у нас не простое „развитие капиталистических отношений в деревне“, но что есть „еще“ диктатура пролетариата, которая есть не только „чистая“ политика, но и огромный хозяйственный кулак. Скажите, пожалуйста, в этом ларинском плане, где есть только „кулак“ и „колхоз“ и где нет середняка, — скажите, пожалуйста, где же у него кооперация в области процессов обращения, т.-е. сбыта, закупочных операций, кредита и т.д.? Ей совершенно почти нет места в „плане“ тов. Ларина. Такие (ошибочные) „ларинские“ взгляды у нас в партии есть. Товарищи говорят, что колхоз, это — настоящая кооперация, а сбыт, закупка и кредит, — это все „неважно“. Вот эта точка зрения и связана с исчезновением середняка и с общей теоретической концепцией соответствующих товарищей. Середняк исчез, а следовательно, исчезла и его кооперация, исчез весь ленинский план построения социализма, как кооперативного социализма. Это есть не наша точка зрения, мы не можем ориентироваться на нее, и мы не можем принять концепцию тов. Ларина.

Вчера тов. Ларин, мне кажется, совершил в своей речи один маленький подмен: он вместо „вообще“ „обострения классовой борьбы в деревне“ выставил лозунг обострения политической классовой борьбы в деревне и представил это обострение в невинной форме борьбы за влияние при „оживлении советов“. Совершенно правильно, что мы, ориентируясь на оживление советов, должны с большей настойчивостью бороться за своих кандидатов и проч. Но от этого совершенно далеко до лозунга об-

острения классовой борьбы в свете той перспективы второй революции, которая неизбежно вытекает из его постановки вопроса. Если взять перспективу, как она должна быть правильно изображена, то что у нас будет в деревне? Будут расти капиталистические отношения? Будут. Будут в кооперации капиталистические элементы, или будут, как говорил когда-то тов. Ленин, „химически выделяться“ меньшевики и эсеры? Будут. Будет расти кооперация не кулацкого типа, а середняцкого, если мы будем на основе развитого товарооборота помогать ей усиленно? Тоже будет. И будут еще расти тоже бедняцкие кооперативы в виде колхозов? Да. Значит, какие будут элементы в деревне? Бедняцкая кооперация — колхозы. Середняцкая кооперация в области сбыта, закупок, кредита и т. д. Будет местами и кулацкая кооперация, которая, вероятно, будет иметь свою опору в кредитных товариществах. Вся эта лестница будет вращаться в систему наших банков, наших кредитных институтов и вместе с тем в систему наших хозяйственных учреждений вообще. Что же у нас в общем получится? В общем у нас получится то, что если кулак будет вращаться в общую систему, это будет элемент государственного капитализма; если бедняк и середняк, — это будет та самая социалистическая кооперация, о которой говорил Владимир Ильич. Будет многоцветная картина. Как же с классовой борьбой будет обстоит дело на фоне этих отношений? Будет ли она обостряться у нас? Вероятно, сначала, в первый период, она будет обостряться. Можно ли думать, что она с самого начала отомрет? Конечно, такое мнение было бы самым глупым вздором. Но можно ли сказать, что наша генеральная линия, линия большевистская, линия нашей политики на целый период, заключается в сознательном форсировании классовой борьбы? Вот этого-то я как раз не думаю. В самом деле: мы принимаем сейчас закон по отношению к батракам. Вводим поправку: вместо 8-часового рабочего дня не 8-часовой, а несколько большая „свобода“ в этом отношении. Это что же, обострение классовой борьбы? Тут концы с концами не связаны. Наша классовая борьба протекает в значительной мере в совершенно других формах, и наша линия должна заключаться в том, что мы эти специфические формы должны усиливать за счет прежних способов классовой борьбы. Почему это происходит? По той простой причине, что даже батрак, который работает у кулака и им эксплуатируется, он, находясь под кулаком, как член правящего класса, до

известной степени стоит над кулаком и поэтому через наше законодательство может диктовать кулаку, своему „хозяину“, свою классовую волю в целом ряде оригинальнейших форм. У нас есть договоры, у нас есть профсоюзы, у нас есть рабочее законодательство, у нас есть налоговое обложение, у нас есть, наконец, кредитная политика. Как мы будем вести и организовывать классовую борьбу? Конечно, борьбой за наши политические кандидатуры при выборах. Это безусловно. Мы должны здесь драться на основе тех методов, о которых говорил тов. Молотов. Но есть и другие формы классовой борьбы, о которых нельзя забывать и которые составляют на целый исторический период в значительной мере существо дела. Когда мы кулака обкладываем больше, чем остальных, и когда финансируем середняка,—что мы делаем? Мы ведем в известном смысле линию на нивелирование крестьянства, потому что поднимаем середняка и бедняка, им помогаем, превращаем крестьянина из бедняка в не-бедняка. Что же, мы должны рассматривать бедняка, как постоянного бедняка, как голь кабацкую? Конечно, нет. Мы его на хозяйственную ступень поднимаем выше, а кулака, с другой стороны, обкладываем больше. Это есть форма классовой борьбы. Здесь от формы прежней классовой борьбы (механическое „вышибание зубов“) центр тяжести переносится на эти новые формы классовой борьбы, которые возможны только при диктатуре пролетариата. В этом и состоит особенность всего момента и всей нашей политики. А если это так, то можем ли мы сказать, что мы сознательно пойдем по линии „обострения классовой борьбы“? Ничего подобного. Мы перемещаем центр тяжести на другие формы борьбы. Значит ли это, что мы застрахованы от попытки механической свалки? Нет. Может быть, если у нас, к нашему несчастью, будет война, мы должны будем пойти опять и на комбеды, и, если против нас кулак будет поднимать восстание, мы будем против него принимать террористические меры. Если у нас нарушение равновесия классовых сил приведет к такому соотношению, что верхушечные слои, усиливаясь, будут против нас идти и такая опасность будет нам грозить, то мы против них выставим все батареи, которые у нас есть. Но то, на что мы гнем сознательно, наша генеральная линия, что является элементом нашей рациональной политики, должно заключаться в том, чтобы от этих форм классовой борьбы переходить к другим формам: налоговому обложению верхушечной части, помощи сельскохозяйственным кре-

дитом другой части, затем подведением технической базы, т.-е. электрификации и проч. (последнее будет в более отдаленном будущем). Значит, представление о ходе развития у нас совершенно другое, чем у тов. Ларина.

И все сводится к тому, что у тов. Ларина исчез середняк. В самом деле, если поставить по-моему вопрос о развязывании, то у нас есть интересы середняка, есть интересы „центральной фигуры“; у него этого нет. Если поставить вопрос о кооперации, то у меня получается кооперация и по сбыту, кооперация кредитная, кооперация по закупкам и т. д. и, кроме того, колхоз. У тов. Ларина есть, по существу дела, только колхоз. Колхоз— это есть могущественная штука, но не это столбовая дорога к социализму. У него же это именно столбовая дорога. У меня центр тяжести классовой борьбы переносится в классовую борьбу совершенно иной формы, о которой я сейчас говорил. У него она имеется, главным образом, в форме вышибания зубов. У нас общая перспектива имеется в форме втягивания крестьянина в общую систему социалистического строительства, у него— „вторая революция“. Как видите, две совершенно разные теоретические постановки, два совершенно разных представления о ходе нашей революции в деревне и о ходе нашего социалистического строительства.

Я утверждаю, что все, что мы можем сейчас сказать, говорит за то, что нам нечего отказываться от тех позиций, которые перед нами сейчас стоят. Позиция, которую защищал тов. Ленин, есть именно эта позиция. Но из нее, конечно, отнюдь не вытекает, что мы должны сидеть сложа руки и будем ждать, что все „само придет“. Вспомните, как тов. Ленин ставил вопрос о кооперации. Он говорил: некоторые почему-то считают, что если мы переходим к новой экономической политике, то становится излишней кооперация. А я говорю (это слова товарища Ленина): именно потому, что мы переходим к новой экономической политике, кооперация приобретает огромное значение.

Сейчас вообще мы переходим к новой экономической политике в деревне гораздо более решительно; мы переходим к гораздо большему развязыванию товарооборота; мы переходим к оживлению советов, что означает развязывание политической „самостоятельности крестьянства“. Но именно потому, что мы на это идем, тем большее значение приобретают сплоченность наших партийных рядов и укрепление нашего основного костяка. Если

мы при переходе к новой экономической политике испытывали партийный кризис, то при переходе к такому положению вещей. к которому мы переходим сейчас в деревне, мы стали испытывать в деревне партийный кризис, который сейчас идет потому, что наши ячейки пока дезорганизованы.

Тем большее значение приобретает дело разъяснения нашей политики.

Вот, мне кажется, как нужно объяснять полезность маневра, который мы проделываем. Мы не всё еще решили, мы только нащупываем первые шаги; нужно быть чрезвычайно осторожным. Но, повторяю, мы с таким представлением, как у тов. Ларина, далеко не уедем, мы позабудем тогда о середняке, о той „центральной фигуре“, на которую ставил ставку тов. Ленин в своей брошюре о продналоге и в своих позднейших тактических статьях. От этой политики мы не имеем оснований пока отказываться, и мне кажется, что резолюция, которая была предложена и защищалась здесь тов. Рыковым, идет по этой линии, а не по линии тов. Ларина, который исходит из других предпосылок, приводящих неизбежно к другим политическим результатам, для нашей партии вредным. (Аплодисменты.)

Речь на XIV московской губпартконференции 6 декабря 1925 года.

Товарищи, разрешите мне сделать вначале несколько замечаний частного порядка, которые я считаю необходимым сделать. Я хотел бы прежде всего сказать несколько слов о ленинградской организации. Мне кажется, что было бы со стороны московской конференции нашей партии опрометчивым атаковать ленинградскую организацию нашей партии, и мне кажется, что мы в настоящее время можем сказать, что есть ошибки со стороны некоторых руководителей ленинградского пролетариата, но что у нас нет никаких оснований нападать, осуждать, третировать как-нибудь ленинградскую организацию партии. Ленинградский пролетариат это—действительно лучшая часть нашего рабочего класса. Ленинградские товарищи могут, благодаря тем или иным обстоятельствам, заблуждаться. Они могут быть неправильно информированы, —может быть, отчасти по нашей собственной вине; неправильно информированы потому, что мы не принимали достаточно мер, чтобы информировать правильно. Они могут добросовестно заблуждаться, но, мне кажется, что мы все, представители московских коммунистических рабочих, можем выразить твердую уверенность, что в конечном счете ленинградские товарищи пойдут вместе с Центральным Комитетом нашей партии, вместе с партией, а отнюдь не против ЦК не против партии в целом. (Аплодисменты.)

Теперь позвольте перейти к вопросу о теперешнем положении, к вопросу о тех опасностях и тех трудностях, которые имеются сейчас налицо вне партии и внутри партии.

Мне кажется, что здесь по отчету ЦК нам нужно не только остановиться на наших положительных достижениях, но нужно точно так же остановиться на одной основной черте современного момента, как раз того момента, который мы переживаем теперь.

В общем и целом за отчетный год партия под руководством ЦК, пролетариат под руководством партии и вся страна под руководством пролетариата безусловно достигли громаднейших успехов. Я бы сказал, что никто из нас, если бы его спросили года два тому назад о теперешнем положении вещей, о том, что будет через два года, вряд ли мог бы сказать, что мы так быстро доведем промышленность почти до довоенного уровня, почти настолько же поднимем сельское хозяйство и получим столь большое количество признаний со стороны капиталистических государств, настолько разовьем внешние торговые операции. Но тем не менее нам приходится, когда мы обсуждаем теперешнее положение, еще и еще раз останавливаться не только на наших достижениях, но и на наших неудачах.

И здесь я в первую очередь должен и считаю своей обязанностью остановиться на той неудаче, которая у нас, несомненно, имеется в области хлебозаготовительных операций, которая отразилась сейчас же на наших экспортно-импортных операциях, которая, в свою очередь, перекинулась на наши производственные программы и которая уже вызывает большую и в ближайшем будущем, быть может, вызовет еще большую реакцию в области нашего хозяйства.

Я считаю своим долгом поставить этот вопрос во главу угла, во-первых, потому, что здесь был просчет со стороны наших руководящих органов, партийных и советских, что мы должны признать открыто перед партией и перед всей страной. А, во-вторых, потому, что опыт учит нас, что если у нас начинается какое-нибудь расхождение или разногласие, то оно не опасно, если это разногласие или расхождение развивается при восходящей кривой нашего хозяйственного положения, и может стать опасным в случае каких-либо хозяйственных затруднений.

Возьмите последнюю дискуссию с тов. Троцким, она прошла для партии почти играючи, не вызвала никаких внутрипартийных потрясений. Это было потому, что эта дискуссия (я говорю о последней, а не о предпоследней) началась и проходила в такой момент, когда весь рабочий класс, вся партия и вся страна видели, как высоко стала подниматься кривая нашего хозяйственного развития, а в такой момент, момент подъема всей жизни, никакая внутрипартийная оппозиция не страшна.

Внутрипартийные разногласия и конфликты становятся опасными

тогда, когда они совпадают во времени с какими-нибудь большими или мелкими потрясениями, и тем глубже и тем острее бывает внутривнутрипартийная борьба, чем более остро положение в стране вообще. Вот почему та дискуссия, которая развернулась перед нашей партийной конференцией, которая еще не в полной мере всем ясна, но которая внутри партии становится все яснее и яснее,— может стать опасной как раз потому, что намечающиеся разногласия совпадают по времени с некоторыми трудностями, вытекающими из хозяйственного положения. Это—все мотивы, почему я считал своим партийным долгом и своей партийной обязанностью указать на эту опасность в первую очередь.

Вы знаете, товарищи, что происходило у нас за последнее время. Наши хозяйственные органы и Госплан предвидели очень значительный урожай, в подсчете были даны значительные цифры товарных фондов, которые должны были быть выброшены крестьянством на рынок. На этой основе был рассчитан экспортный план. На основе этого экспортного плана была рассчитана определенная сумма ввоза в нашу страну машин, предметов потребления, промышленного сырья и проч. На этой основе, в свою очередь, были построены производственные программы, которые в общем и целом были сделаны с таким расчетом, чтобы развернуть строительство нашей промышленности чрезвычайно широко. На основе этих расчетов были построены различные наши бюджетные предположения, т.е. соответствующие ассигнования на различные нужды социалистического строительства, начиная с Красной армии и школ и кончая затратами на жилищное строительство и хозяйственное строительство в собственном смысле этого слова.

Все мы считали, что перед нами огромнейшие перспективы развертывания промышленности, и, повторяю, мы исходили во всех своих предположениях из определенных цифр и расчетов в области экспорта и импорта, в области хлебозаготовок.

Этим расчетам в значительной доле не суждено было оправдаться. Вы знаете, что, благодаря отчасти неправильным расчетам, отчасти благодаря тому, что осенью была дождливая погода и часть урожая пропала, отчасти благодаря тому, что, в силу той же причины, молотьба хлеба отодвинулась во времени, отчасти в силу того, что наши хлебозаготовители не условились в своих операциях относительно единства выступлений, а в то же время было решено собрать хлеб в очень короткий срок, и потому

сразу поднялся огромный спрос, который вздул цены, а это заставило ожидать крестьянство еще более высоких цен, — вы знаете, что вот в силу различных причин наши хлебозаготовки пошли и в смысле качества, и в смысле количества, и в смысле темпа не так, как мы то предполагали.

Между тем, были сделаны заранее, до того, как конкретно выяснилась сумма возможного вывоза, различные шаги для ввоза, и в результате ввоз превысил вывоз: целый ряд закупок был сделан за границей предварительно; а отсюда получились неблагоприятные условия для нашего торгового баланса, мы должны были много платить, а нам должны были платить очень мало, и благодаря этому появилась опасность колебания нашей валюты.

Эта опасность и сейчас висит над нами. Мы думаем, что мы эту опасность преодолеем, но я считаю необходимым эту опасность здесь отметить.

С другой стороны, из этой же ошибки проистекало то, что мы должны сейчас сократить наши импортные возможности, т.-е. меньше выписывать машин, меньше выписывать хлопка, а с другой стороны, наша промышленность, которая рассчитывала на то, что она получит все эти суммы полностью, уже рассчитала свои основные потребности и разогнала свое основное строительство. В целом ряде отраслей оборотные средства, которые должны были служить как оборотный капитал, были загнаны в капитальные затраты. Часть оборотного капитала пошла на то, чтобы строить фундаменты новых зданий, улучшать фабричные корпуса и т. д. И после того, как все это было нарушено, после того, как мы должны были сократить импортный план, для того, чтобы взять пропорции, необходимые для сохранения непоколебимости нашего рубля, и обеспечить дальнейшее, более или менее нормальное развитие всей хозяйственной жизни в нашей стране, после этого встал вопрос о том, чтобы сокращать и производственную программу. Кое-где в разных местах нам пришлось сокращать промышленное строительство. В некоторых местах, говорят, уже получились перебои в выплате зарплаты на 2—3 дня. Мы думаем, что в общем и целом эту дезорганизацию преодолеем, но здесь надо видеть, что у нас вовсе нет положения, так называемого „патриотического ура“, положения, о котором мы подумывали раньше. Положение наше не такое, чтобы кричать только одно „ура“. И вот, товарищи, это есть главная опасность, я счи-

таю, для всей нашей страны. Характерно, что об этой основной опасности не говорят, а это неверно. Переживаемый „текущий момент“, выражаясь старым партийным языком, главным образом в этом и состоит. И самую кулацкую опасность, и опасность со стороны частного капитала нужно рассматривать не с точки зрения всеобщей универсальной болтологии о кулаке, а с точки зрения тех соотношений, которые складываются именно теперь, с точки зрения тех соотношений и той конъюнктуры, которая складывается именно сейчас. А как она складывается? Она складывается таким образом, что в силу наших заминок в хлебозаготовительных операциях в дальнейшем их ходе, в силу того, что у нас промышленность поставила недостаточное количество товаров, в силу всех этих дезорганизующих рынок моментов,— вот как раз в силу этих обстоятельств, особенно лихо сейчас начинает работать и частный торговый капитал и кулак, который прибегает к хлебозаготовительным операциям, играя роль скупщика, который стремится найти смычку с частным торговым капиталом, с „частником“, и который на фоне этой теперешней, сравнительно тяжелой для нас конъюнктуры,— правда, пока „не в поте лица своего“,— все-таки зарабатывает „хлеб свой“. Вот как обстоит дело. Поэтому мы никаким образом не можем пройти мимо этой кулацкой опасности и мимо опасности со стороны частного капитала. Мы должны сказать, что, несмотря на то, что в общем и целом наша государственная промышленность, наша кооперация, наша оптовая торговля, наша кооперативная торговля в общем продвигаются вперед, хотя они систематически вытесняют частника и систематически окружают кулака, но в то же время, одновременно с этим, именно для теперешнего момента в узком смысле слова мы должны признать, что в некоторых местах, в особенности в области хлебозаготовительных и сырьевых операций,— кулак и частник в некоторых местах прорывают наш фронт. Это значит, что он поколотил нас не по всему фронту,—мы, в общем и целом, его колотим,—но в некоторых местах он нас поколотил. Это вытекает, в первую очередь, из некоторых наших просчетов, о которых я уже говорил.

Вот, товарищи, как нужно ставить вопрос на нашей партийной конференции, которая обязана, конечно, подчеркивать наши опасности. Мы были бы трижды негодными руководителями нашей

партии и в десять раз более негодными руководителями нашей страны, если бы мы говорили только урапатриотические вещи. Опасности мы должны подчеркнуть, но мы должны их подчеркнуть именно там, где они существуют, и в той мере, в какой они существуют. Это — вопрос меры, он играет чрезвычайно крупную роль. Если мы будем говорить о настоящих опасностях в нашей стране, — мы уже десятки тысяч раз об этом говорили, — то эти опасности двоякого рода: они международные и внутренние, и внутренние, связанные с международными. Главные опасности — опасности международные. Мы сближаемся теперь с мировым хозяйством. Мы сейчас производим целый ряд — и притом в возрастающей мере — сделок с мировым хозяйством и поэтому мы становимся до известной степени участниками этого хозяйства. Наша производственная программа в известной мере зависит от того, сколько мы ввозим из-за границы и сколько мы за границу вывозим. На этом мы строим наши расчеты. А теперь представьте себе, что наступит финансовая экономическая блокада: три каких-нибудь государства решают ничего к нам не ввозить. Нам придется тогда переорганизовывать весь хозяйственный план. Разве это не величайшая трудность? Мы растем на почве связи с внешним миром, а, с другой стороны, мы, благодаря этому, становимся до известной степени более уязвимыми. Как выйти из этой опасности? Из нее нужно выйти так, чтобы наше хозяйство и наша страна ни в каком виде и ни в какой мере не были в слишком большой экономической зависимости от иностранного рынка, пока там сидит буржуазия и капитализм.

Наша главная внутренняя трудность заключается в том, что у нас, наряду с ростом социалистических элементов в нашем хозяйстве, в нашей кооперации и проч., в то же время растет и частный капитал, растет кулак — элементы, которые ведут отчаянную борьбу за середняка. Когда говорят о кулацкой опасности, она представляется так, что он свое кулацкое хозяйство старается выдвинуть и только. Но, товарищи, не в этом дело. Кулачество опасно тем, что оно борется с нами за середняка, оно опасно в первую очередь тем, что оно может при неблагоприятных условиях отхватить от нас часть середняка. Если мы должны ориентироваться в первую очередь на середняка в деревне, то мы и кулака должны с этой стороны рассматривать. А если вдобавок к этому кулак получит еще смычку с торговым капиталистом, который продает галоши, в то время как наша

кооперация их не продает, в то время как наши государственные лавки их не продают, — то тогда он получит огромное подкрепление. Частный капитал, взявшись за ручки с кулаком, сможет отвратить от нас значительную часть середняка. Если он его отвоюет, то это означает срыв рабоче-крестьянского блока. Вот в чем центр этой опасности. А если еще, благодаря возрастанию этих элементов, они возьмут под другую руку различные „служилые“ элементы в городах, которые вовсе не настроены коммунистически, — это будет дальнейшее подкрепление на их фронте. Все это нужно видеть, ничего принципиально нового в этом нет; эта опасность есть, но о ней нужно говорить и нужно поставить вопрос о ней с умом, а не с точки зрения общей фразы. Эту опасность нужно анализировать в связи с теми хозяйственными затруднениями, которые мы сейчас переживаем. Но по поводу этих опасностей нужно точно также сказать, что „коммунистический бог не выдаст, — свинья не съест“. И мы думаем, что наш коммунистической „бог“, — это вся партия в совокупности, — не позволит капиталистической свинье съесть дело социалистического строительства.

А теперь, после этого коротенького вводного анализа опасности, позвольте перейти к анализу других опасностей, которые вытекают из того, что говорили до меня. Я теперь должен сказать, что если мы поставим перед собой проблему классов и классового руководства, то совершенно естественно мы эту проблему, эту задачу должны сформулировать таким образом: сейчас оживают все социальные прослойки и все социальные группировки — оживает кулачество, оживает середняк, оживает бедняк, оживает пролетариат, оживает нэпман. Мы имеем сейчас оживление всей этой разношерстной массы, которая в общем и целом составляет население страны. Оживает вся эта масса, но что это значит? Разве это значит, что она была мертва, ее покропили святой водицей, и она ожила? Конечно, нет, она и раньше не была мертвой. Но в общем и целом все же можно сказать, что рост хозяйственной жизни сыграл роль этой святой водицы, в результате которой поднялась активность всех общественных группировок. Как смотрит, как реагировала наша партия на этот процесс? Она реагировала на это лозунгом дальнейшего „оживления“. Она выдвинула лозунг оживления профсоюзов, оживления сельсоветов, оживления комсомола, оживления внутрипартийной демократии, в каче-

стве оживляющего средства нашей партийной организации и т. д. Конечно, оживают и такие элементы, оживление которых есть вещь не особенно желательная в нашей стране. Но что должно быть в таких условиях? Если мы считаем необходимым оживлять деревенские советы, поднимать крестьянство, поднимать его активность и т. д., то что мы должны делать? Разве мы можем просто сказать, что мы помогаем поднимать всеобщую активность, и только? Этим мы сказали бы, что соглашаемся на потерю пролетарского руководства. Поэтому, если оживают деревенские советы, то необходимо, чтобы оживали еще больше и городские советы. Если оживает активность крестьянства, то необходимо, чтобы еще больше оживала активность рабочего класса. Несомненно, проблема руководства состоит в том, чтобы сплотить, сактивизировать, наэлектризовать новой энергией рабочий класс, как руководящую силу нашего общества, — это ясно ведь как божий день. Теперь наша партия, которая сама является руководительницей всего рабочего класса, должна сказать, что задача сплочения рабочего класса есть одна из основных задач момента, которая вытекает из всей теперешней реальной обстановки. Кто не понимает этой задачи, тот абсолютно ничего не понимает. Как нужно подходить к этой задаче? Конечно, не с точки зрения болтологических фраз, а с точки зрения учета конкретной реальности. Что нового есть в рабочем классе? Мы все говорим: „рабочий класс“, „рабочий класс“, еще раз „рабочий класс“. Но разве он всегда один и тот же? Что сейчас есть нового в рабочем классе? Новое заключается в том, что мы находимся сейчас в таком периоде, когда происходит крупная перегруппировка в составе рабочего класса. Кто этого не понимает, тот абсолютно ничего не понимает. Рабочий класс растет, растет наша социальная база. Почему? Потому что растет госпромышленность. Но что значит, что рабочий класс растет? Сейчас всякий пионер знает, что у нас есть уже недостаток квалифицированной рабочей силы. Всякий знает, что уже сейчас значительная часть старых рабочих, — потому что мы довели промышленность до довоенной нормы, — значительная часть старых рабочих вошла в промышленность. А что значит, что рабочий класс растет дальше? Это значит, что в рабочий класс вливаются новые кадры. Над этим нужно задуматься, и наша партия действительно должна видеть трудности, отсюда приистекающие. Ведь когда нам во все уши жужжат,

что вы-де не видите опасностей, что вы-де слишком розово смотрите на вещи, то мы отвечаем: это неправда, кулака мы видим прекрасно и не хуже всякого другого, а вот вы — видите ли вы те трудности, которые стоят на нашем пути даже в самой нашей центральной цитадели, даже в пределах самого рабочего класса? Нет, вы ее не видите, а мы эту опасность видим. Эта трудность заключается в том, что, когда к нам идут новые слои населения, пролетаризированная крестьянская масса, которая только становится рабочим классом, то что это значит? (Я говорю грубо, схематично, потому что есть и другие составные части, приходящие в лоно рабочего класса, но крестьянство — это есть основной поставщик нового рабочего класса и оно несет с собою крестьянскую идеологическую установку.) Будьте любезны, посмотрите, сколько новых рабочих мы получаем в недрах нашей промышленности, — очень значительный процент. Я говорил, что мы будем, вероятно, испытывать в ближайшее время „хозяйственную рябь“, но в общем и целом я скажу, что у меня есть уверенность, что в ближайшие годы мы будем очень быстро расти и развивать нашу промышленность. Может быть, я ошибаюсь, но я так думаю. Это будет значить, что огромнейшие сырые пласты рабочего класса будут превращаться в фабрично-заводской пролетариат. Отсюда вытекает, что перед партией становится во весь гигантский рост задача воспитания этих новых слоев рабочего класса. А что это значит — воспитание? Это значит — правильная идеологическая установка этого рабочего класса. Мы до сих пор имели дело с рабочими, за которыми были годы гражданской войны, которые свергали режим самодержавия, режим Керенского, которые дрались на фронте, которые терпели голод, которые знали, во имя чего терпели этот голод; мы имели дело с рабочим классом, который за своей спиной имел колоссальный, невиданный в мире опыт, такой опыт, которого не имеет ни один пролетариат в мире. А сейчас к нам приходят новые слои, которые этого не имеют. Вот в чем гвоздь вопроса, когда мы рассматриваем вопрос о составе пролетариата. И вот я утверждаю, что наша партия этих слоев не воспитает, если в этих слоях будет преобладать не влияние нашей партии, а влияние крестьянства, влияние мещанства, мелкобуржуазное и буржуазное влияние, и тогда получится и отсюда произтечет величайшая опасность для всей рабочей диктатуры и величайшая опасность для союза рабочего класса и крестьянства и

для всего дела социалистического строительства. Вот про эту опасность и нужно прокричать. Эту опасность нужно тоже видеть на-ряду со всеми другими опасностями. И вот позвольте вас еще спросить: можем ли мы быть настолько большими оптимистами, чтобы сказать: мы покончили с с.-р. и меньшевиками, им крышка, никогда они больше не воскреснут. Я не разделяю такого слишком уже розового взгляда. Я считаю, что если мы будем вести неправильную политику, то меньшевики вновь получат известную базу в рабочем классе. Откуда они придут эти новые меньшевики, — я не знаю. Может быть, это будут старые меньшевики, а, может быть, они будут приходить из части нашей партии, отходящей от нас (например, из числа исключенных), или, может быть, они придут еще откуда-нибудь, конечно не с неба, а с нашей грешной земли из различных социальных прослоек. База для этого есть или нет? Конечно, есть. В чем она заключается? Она заключается в нашей бедности, в нашей отсталости, в нашей сравнительно низкой заработной плате, не по сравнению с довоенным временем, а по сравнению с возникшими колоссальными потребностями, она заключается в нашем не-устройстве, в нашей нищете, в нашем аграрном перенаселении, в нашей ужасающей отсталости. Поставьте перед собой такой вопрос: если бы нам сейчас случилось вести какую-либо огромную войну и ограждать наши завоевания от врага, то я вас спрашиваю, что эти новые слои — с энтузиазмом ли пошли бы сразу на защиту наших завоеваний, с оружием в руках? Я утверждаю, что это еще большой вопрос, потому что у них нет того опыта, который имеется у нашего рабочего. Ведь наш старый рабочий может голодать и переносить неслыханные муки за социалистический строй, потому что он прошел все стадии борьбы. Он знал, с чего он начал, с кем и за что он боролся, он знал, кто является его врагом. Эти новые слои ничего не знают или знают очень мало. И вот тут нужна твердая идеологическая их установка. А что мы видим? Мы уже видим, что здесь есть ряд очень плохих признаков даже в комсомоле. Что обозначает собой рост хулиганства, что означает падение дисциплины? Все это означает проникновение мещанских настроений в среду рабочей молодежи, это — влияние нового притока, и извольте его переварить, дорогие друзья! Вот как мы должны себе сказать. И тут нужна полная идейная ясность и идейная правильная установка самого пролетариата в целом, новых

слоев, которые приходят. Если мы этот вопрос об идейной установке поставим, то что это означает? Это есть вопрос о перспективах нашего социалистического развития. Старые слои пролетариата знают, что мы строим социализм. Старые слои пролетариата, я в этом глубоко уверен, отнюдь не разделяют скептицизма некоторых товарищей, которые полагают, что нельзя в одной стране строить социализм. Они знают, они ощущают, они чувствуют, что раньше мастера, заводчики, хозяева плевали на них, в трамвае на них смотрели как на низкую скотину, а теперь они являются господами положения. Они чувствуют это на собственном опыте. Но новые слои этого не чувствуют, и здесь необходима их переделка. Исходя из этой точки зрения, я вас спрашиваю, дорогие товарищи, что же, в конце концов, является той перспективой, которая теперь с полной четкостью уже выяснилась, как путь социализма в нашей стране, как строительный путь социализма в нашей стране? Ленин дал нам это. Если кратко обрисовать этот основной путь, то это есть смычка государственной промышленности с кооперацией и смычка кооперации с основной массой крестьянских хозяйств. А если это брать с социальной стороны, то это есть смычка рабочего класса с основной крестьянской массой, т.-е. в первую очередь с крестьянином-середняком. Вот путь, указанный нам тов. Лениным. Как мы представляем себе здесь дело нашего социалистического развития? Парочку слов на эту тему мне бы хотелось сказать для того, чтобы сберечь потом для следующих выступающих товарищей, и отчасти для самого себя, известное количество времени. Как мы можем себе представить этот генеральный путь? Мне кажется, что мы должны его представлять таким образом. Мы отлично знаем, что среднее крестьянство есть основная масса, есть основной слой населения в деревне. Середняцкие хозяйства—это есть основная масса крестьянской экономики. Поэтому середняк есть центральная фигура: он составляет большинство населения в деревне; его хозяйство есть основная масса крестьянских хозяйств. Вот почему он—центральная фигура. Эта „центральность“ его „фигуры“ не свалилась с неба: она дана ходом нашей революции. Когда некоторые товарищи сейчас приводят цитаты из сочинений тов. Ленина, которые были написаны 30 лет тому назад, и говорят, что столько-то было бедняков, столько-то середняков и проч., и потом говорят, что это остается правильным и для теперешнего времени,

то они забывают такую „малость“, как вся наша революция. Наша революция в первой ее половине была аграрной революцией по существу. Наша революция в первой ее половине означала разгром помещиков, переход их земель к крестьянству, разгром кулака, переход его земли к крестьянству, великий черный передел в области фактического землепользования. Вот смысл первой фазы нашей революции,—это великий процесс осереднячения деревни. Тот, кто пальцем показывает по этому поводу на то, что было 30 лет назад, перепрыгивает через революцию и ведет пальцем к тому, что есть теперь, ни аза не понимает. Ленин говорил про таких людей, что это не „старые большевики“, а „старые дураки“ (аплодисменты),—вот как он выражался. Несомненно, середняк стал центральной фигурой нашего земледелия. Ленин прекрасно понимал, что из анализа общественных соотношений выкидывать великую аграрную революцию, равной которой не видал мир, которая по охвату, по количеству разгромленных помещичьих усадеб, по количеству земли, которая перешла в руки крестьянства, не имеет себе равной в мире, что плевать на этот „процессик“, упускать такую „малость“,—это значит обнаружить исключительное непонимание действительности, дальше которого некуда идти. Отсюда выросла проблема середняка. Ленин в наиболее законченных своих формулировках указал нам путь. Ленин сказал, что путь социализма есть смычка нашей государственной, социалистической промышленности с массой крестьянских середняцких хозяйств, а форма, которая обеспечивает эту смычку, организация, которая эту смычку в первую очередь осуществляет мостик, который соединяет государственную промышленность с этим середняцким хозяйством,—это есть кооперация. Раньше мы пытались крестьян вогнать в коммунизм просто железной метелкой продразверстки и военно-коммунистической системой, а новая экономическая политика, по определению Ленина, есть такая политика, которая соединяет интересы общественные, интересы строительства социализма с частнохозяйственными интересами. Смысл новой экономической политики заключается в том, чтобы не насильно вогнать крестьянина в царство коммунизма, а в том, чтобы, зацепившись за его частнохозяйственные интересы, взявши его за эту веревочку, постепенно и незаметно для него самого привести его к коммунизму. Вот как ставила вопрос новая экономическая по-

литика. Какую роль играет кооперация? Очень простую. Кооперация помогает крестьянину организовать свой сбыт более выгодно, производить закупку для своего хозяйства более выгодно, получать кредит более выгодно, т.-е. она так должна делать в нашем плане (я скажу потом несколько слов о том, что сейчас делается в этой области, это другой разговор). И вот, тов., отсюда вытекает, что крестьянству выгоднее организовываться в кооперации при правильной кооперативной политике, чем оставаться вне кооперации. Крестьянин все лучше организовывается и будет вовлекаться в это кооперативное строительство, если будет вестись правильная политика. Он будет даже вносить свои сбережения в соответствующие кредитные учреждения, если будет вестись правильная политика. Но так как все эти учреждения (наша кооперация, кредитные товарищества, закупочные, сбытовые и проч.) связаны с нашими хозорганами, а наши хозорганы опираются на нашу систему банков, а наша система банков связана с нашей государственной промышленностью, с пролетарской государственной властью, то в результате получится, что наш пролетарский пароход, т.-е. наша госпромышленность, будет тащить за собой сперва кооперацию, а кооперация, которая будет являться более тяжелой баржей, чем этот пароход,—эта баржа будет тащить за собой на миллионах нитей огромнейшую тяжелую баржу всего крестьянства. А так как при развитии производительных сил наша государственная промышленность будет все больше возрастать, все больше и больше будет становиться руководителем всей хозяйственной жизни, то мы помаленечку будем всасывать в себя эту массу крестьянских хозяйств, переделывая их. Вот основной путь — госпромышленность и кооперация.

Теперь еще одно замечание. Все вышесказанное вовсе не значит, что этот процесс будет идти мирно и гладко. Многие считают, что, если говорить так, как я говорю сейчас, то все будет идти мирно и гладко и никакой борьбы не будет. Ничего подобного. Этот процесс будет предполагать огромнейшую борьбу даже внутри почти каждой организованной ячейки. Что значит — правильно вести кооперативную политику? Это значит, напр., вести правильную линию на выборах в кооперации. В самом правлении будет вестись классовая борьба между кулаком и середняком. Здесь, конечно, будет классовая борьба. В самом правлении кооператива могут очутиться элементы кулацкие. Будет ли вестись борьба? Может случиться, что целый ряд кооперативов и даже частичных объединений

попадет в руки кулака. Местами эта борьба будет, быть может, бешено обостряться. Весь этот путь будет реализован в мучительном процессе борьбы. Без борьбы ничего не делается. Но у нас есть такие командные высоты, которые дают нам кое-какие „козыришки“ в руки, и отсюда вытекает наша полная и глубокая уверенность в том, что мы победим на этом пути. Это основное в плане движения к социализму — госпромышленность и кооператив. Каждый из нас делает ошибки, и мы безусловно будем делать ошибки и в будущем. Не надейтесь на то, что каждый из „дорогих вождей“ будет безошибочным. Без Ленина неизбежны ошибки со стороны каждого из нас. Это обязательный закон нашего развития. Но, товарищи, то что сейчас замечается среди некоторых товарищей, это уже переходит границы отдельных ошибок, потому что если мы берем неправильную установку в вопросе о госпромышленности, если мы неправильную установку берем в вопросе о кооперации, то что же остается от ленинского плана? Ничего почти не остается. Мы можем ошибаться в отдельных вопросах, но если мы неправильно трактуем госпромышленность, неправильно трактуем кооперацию, неправильно трактуем вопрос о пролетариате, вопрос о середняке, то что же остается от ленинского плана, спрошу я вас? Да ничего почти не остается. Вот почему позвольте здесь сказать, что, несмотря на наши прегрешения, все-таки, все-таки мы должны сказать, что критикуемая мною точка зрения неправильна. Я позволю себе сказать, в чем заключается ее неправильность. Неправильность ее заключается в следующем. По-нашему, госпромышленность, это — социалистическая промышленность, а с точки зрения некоторых товарищей (некоторые из них страшно пылки) это есть промышленность госкапиталистическая. При этом они ссылаются на всякие решительно вещи. Я попросил бы хоть одного человека в мире найти место, где Ленин говорил бы о нашей госпромышленности, как о госкапиталистической. Ленин говорил о госкапитализме, — это совершенно верно. Ленин спорил с левыми коммунистами, в том числе и со мной, при чем левые коммунисты были склонны отрицать возможность применения термина „госкапитализм“. Но это вопрос совершенно другой, и если угодно будет когда-нибудь говорить по этому вопросу, — об этом можно поговорить. Но сейчас не этот вопрос стоит. Сейчас стоит вопрос о том, как Ленин смотрел на госпромышленность. Я утверждаю, что нет такого места у

тов. Ленина, где бы он сказал, что наша госпромышленность есть госкапиталистическая. Нигде этого нет. Он в сравнительно старых своих работах, в брошюре „О продналоге“ приводит пять различных типов нашего хозяйства: патриархальное хозяйство (родовое), мелкобуржуазное хозяйство, простое товарное хозяйство, частнокапиталистическое хозяйство, которое у нас есть, государственно-капиталистические элементы хозяйства, которые у нас есть, и социалистические элементы, которые есть у нас. Что он подразумевал под социалистическими элементами? Он там же, в брошюре „О продналоге“, говорил и о госкапитализме. Так где же у Ленина социалистические элементы, о которых он упоминает? Какие-нибудь книжки каких-нибудь уважаемых товарищей? (А плод дисменты.) Но какие-нибудь книжки каких-нибудь уважаемых товарищей, они могут быть воплощением 100 проц. ленинизма, но они не относятся к типам хозяйства. Они являются продуктом хозяйственного развития и отчасти идеологического усердия этих товарищей, но они отнюдь не являются хозяйственной формой нашей страны. Так вот, повторяю, если вы берете брошюру „О продналоге“ и спросите, что же тов. Ленин подразумевал под социалистическими элементами хозяйства, то, ясное дело получите ответ, что под ними можно подразумевать по меньшей мере нашу государственную промышленность. Или старик соврал? Но он не любил врать. Кто же, спросите вы, ревизует ленинизм? Не те ли, которые отрицают социалистический характер госпромышленности? Мне кажется, что именно те.

Теперь дальше. У тов. Ленина были еще, как известно, кое-какие сочинения, кроме брошюры „О продналоге“. И в том числе были такие сочинения, которые он оставил в качестве политического завещания всей нашей партии; я разумею его последние „Страницы из дневника“, статью „О кооперации“ и т. д. Там он прямо говорит, что он рассматривает госпромышленные предприятия, как предприятия „последовательно социалистического типа“. Опять большой знак вопроса. Что же, „соврал“ старик перед тем, как оставил завещание? Явное дело, что тов. Ленин был чрезвычайно серьезным партийным руководителем, и если он считал своим долгом оставить такого рода завещание своей партии, то вы думаете, что он не взвесил каждого слова, которое он говорил? Я полагаю, что взвесил. Никто не посмеет отрицать, что в последних выступлениях тов. Ленина, как и вообще в его выступлениях, было взвешено каждое слово. Если в какой-нибудь

речи могут быть случайные опечатки, обмолвки и т. д., то ведь последние статьи писались так, что буквально каждое слово было взвешено на аптекарских весах гениального ума тов. Ленина. Если Владимир Ильич в этих последних статьях сказал, что наши государственные предприятия суть предприятия последовательно-социалистического типа, то те, кто превращает их в госкапиталистические, не ревизуют ли они ленинизма, не отрицают ли заветов Ильича, которыми клянутся при каждом удобном и неудобном случае, когда садятся на стул и сходят с этого стула? Я полагаю, что здесь дело с точки зрения ленинизма не совсем хорошо изображается у некоторых товарищей. Но отбросим разговоры о том, когда, где и что сказал тов. Ленин, мы можем обсудить вопрос и по существу. Поставим этот вопрос по существу. Что такое госкапиталистические предприятия? Тов. Ленин различал два вида госкапитализма: госкапитализм в буржуазных государствах (об этом мы можем не говорить, потому что у нас не буржуазное государство) и госкапитализм при пролетарской диктатуре (об этом мы можем говорить). Что такое госкапитализм при пролетарской диктатуре? Это все-таки капитализм. Не правда ли? Капитализм предполагает в своем развитии капиталиста. Капитализм без капиталиста быть не может. Если мы говорим о госкапитализме в пролетарском государстве, то это означает, что есть такие предприятия, где мы допускаем капиталиста, но его ограничиваем, держим его в узде. Это есть капитализм при пролетарской диктатуре. В наших условиях аренда,— это есть госкапитализм; концессии—это есть госкапитализм. Там есть капиталист, который эксплуатирует рабочих. Но мы его допускаем и в известной мере ограничиваем. Но, если, скажем, мы тов. Уханова, члена Центрального Комитета нашей партии, превратим в капиталиста, то это есть госкапитализм. Если взять наших красных директоров и превратить их в капиталистов, в новых буржуа, то это есть госкапитализм. Но что же это такое в самом деле? Это есть меньшевизм чистейшей воды. Я даже полагаю в простоте душевной, что чистота этой воды больше, чем той воды, которую мне предложили.

Позвольте мне дальше развить эту вещь. Если наши предприятия суть госкапиталистические предприятия и если наши красные директора суть буржуа, то ясное дело, что они суть эксплуататоры, потому что всякий капиталист—эксплоататор, и, следовательно, наша государственная промышленность это есть

система эксплуатации. А что такое тогда с этой точки зрения наша власть, которая считает своей основной базой эту госпромышленность? Если госпромышленность это — эксплуататорская система, а наша власть держится на этой госпромышленности, то тогда наша власть есть политическое выражение эксплуататорской системы, а вовсе не пролетарской диктатуры.

Неужели это непонятно? Это совершенно понятно. Это вытекает отсюда с непоколебимостью железного закона. Это есть простой вывод из вышеприведенных посылок. Позвольте, а что же будут говорить меньшевики, Милюковы и прочие? Да они это самое и говорят. На что они здесь спекулируют? На новый слой рабочих. Они говорят — видите, здесь людишки бедно живут, и даже бывают перебои в заработной плате, в то время, как в Америке у Форда рабочие получают гораздо, гораздо больше. Незачем нам это „социалистическое хозяйство“, когда это на самом деле система эксплуатации. Эта идея есть величайший инструмент для возрождения нового меньшевизма, и если вы прочтете меньшевистские писания, то ведь это есть основное, за что они бьются, это есть козыри, с которых они ходят.

И тут, дорогие друзья, не может быть никаких колебаний, тут никаких идейных заигрываний с этим меньшевизмом не может быть. Тут сходятся прямо стена против стены — коммунизм и меньшевизм. Тут противопоставление коммунизма и меньшевизма всех оттенков. И всякие пережитки таких настроений это есть капитуляция перед меньшевистско-буржуазной идеологией, — иначе этого назвать нельзя.

Мы отлично знаем, что наша государственная промышленность еще бедна, что она страдает бюрократическими извращениями, что она еще держит на низком уровне рабочий класс, мало выплачивает, что у нас остро стоит проблема жилищ, что к нам новые слои рабочего класса текут, а жить им негде. Мы знаем отлично нехватки нашей промышленности, но если мы скажем, что она не есть база социализма, то тогда, если бы я пришел к такому убеждению, я бы вышел из партии, стал бы строить новую партию и стал бы проповедывать 3-ю революцию против теперешней советской власти, потому что если здесь нет социалистических элементов, если это есть база государственного капитализма, если красные директора суть эксплуататоры, если выражение политическое всей этой эксплуататорской механики

есть наша политическая власть, то тогда эту власть нужно свергнуть. Вот отсюда вывод. А это не малая штучка. А если дальше и дальше двигать эту идеологию, то через различные ступени вы приходите не к правильной позиции рабочей организации, а, несомненно, вы приходите к меньшевизму, а от меньшевизма к еще более позорным вещам.

Ну, конечно, „не так страшен чорт, как его малютка“, как говорят в Одессе. А все-таки я должен вам сказать, что тов. Ленин всегда учил нас смотреть, куда „растет“ какая-нибудь идеология и что из этого проистекает. И нам необходимо смотреть, в какую сторону направится дальше развитие этой идеологии, пойдет ли она к отмиранию или будет развиваться дальше. База для этого есть именно в новых полукрестьянских слоях рабочего класса, которые не знали старого. Я не могу здесь более подробно останавливаться на этом вопросе. Я советую вам прочесть статью тов. Марецкого, которая напечатана в органе ЦК партии; там этот вопрос разобран подробно, с полной аргументацией, и почти все, что нужно, вы там найдете.

Теперь позвольте мне сказать еще несколько слов относительно кооперации и относительно путей нашего развития в деревне. Ленин говорил, что кооперация в наших условиях при диктатуре пролетариата сплошь да рядом совпадает с социализмом. Сказал он, это или нет? Сказал. Сказал ли он, что рост кооперации в наших условиях поддерживает рост социализма? Сказал. А взвесил ли, подумал ли он прежде, чем сказал? Я думаю, что подумал. Но позвольте, что же значит эта самая история?

Это значит, что Ленин понимал, что если при строе буржуазном кооперация обязательно целиком вся выродится в капиталистические предприятия, потому что при буржуазной власти иначе развиваться деревня, кроме как путем капитализма, не может, то при диктатуре пролетариата это вовсе необязательно. Вот что является предпосылкой для всех дальнейших выводов Ленина в его статье о кооперации. Как он представлял себе путь этого развития? Он говорил, что кооперация при буржуазном строе обязательно выродится в капиталистическую, и утопия думать, что она может пойти по какому-нибудь некапиталистическому пути, а при строе диктатуры пролетариата это необязательно, при правильной политике со стороны правительства рабочего класса и промышленности это необязательно.

И мы считаем, что это необязательно, что мы можем строить социализм через кооперацию под руководством госпромышленности.

Тут никак нельзя ставить вопрос так, будто „один“ социализм будет расти в городе, а „другой“—самостоятельно в деревне. Никакого „самостоятельного“, „другого“ социализма в деревне вырасти не может, и крестьянство никакого самостоятельного социализма строить не сможет. Это абсолютно ясно. Но вот, что нужно подчеркнуть: крестьянство сможет принять, хочет оно того или не хочет, участие в социалистическом строительстве через кооперацию, потому что всю эту машину ведет город, городская социалистическая промышленность и рабочий класс. Если городской рабочий класс будет эту смычку держать, будет через свои банки, через свой транспорт, через свои предприятия—тресты и синдикаты, через кредитные кооперации,—будет связан с кооперацией и будет кооперацию тащить за собой, то тогда возможно будет хозяйственное развитие крестьянского середняцкого хозяйства, которое пойдет не по капиталистическому пути.

Это вовсе не значит, что капиталистический-путь сразу умрет. Ничего подобного,—будет борьба, будут рождаться кулаки, будут батраки, будет бешеная борьба между кулачеством, с одной стороны, середняками и беднотой,—с другой. Но рядом с этим, и на-ряду с этим, и вопреки этому все более и более значительная часть среднего крестьянства при нашей правильной политике, при нашей умелой социалистической драке с враждебными нам слоями пойдет по тому пути, который мы строим, за который мы в новых формах воюем. Некоторые т.т. не понимают вот этих перспектив; они считают, что вообще некапиталистическим путем развитие для деревни невозможно; они говорят, что строительство социализма под руководством промышленности через кооперацию почти невозможно. А я повторяю, что на основании произведенного анализа необходимо сказать, что если мы выкинем из государственной промышленности социализм, выкинем кооперацию и социалистическое ее развитие, то от ленинского плана, завещанного нам в качестве директивы, в качестве маршрута, в качестве столбовой дороги, не останется ровно ничего.

Тут я хотел бы остановиться еще вот на каком вопросе. Если рабочий класс будет относиться к своей промышленности не как к своей, а как к государственному капитализму, если рабочий

класс будет относиться к заводууправлениям исключительно только как к враждебной силе, если рабочий класс будет относиться к делу промышленного строительства как к чужому и чувствовать себя в положении эксплуатируемого, то что же получится? Разве мы тогда в состоянии вести кампанию, например, по поднятию производительности труда? На кой чорт стараться на капитализм, — разве только одни дураки будут стараться! Как же мы будем втягивать рабочих в производственный процесс строительства промышленности? На кой чорт помогать капитализму строить хозяйство, — это делают только оппортунисты! Если мы скажем, что у нас промышленность есть государственный капитализм, то мы совершенно разоружим рабочий класс, мы тогда не должны говорить о поднятии производительности труда, потому что это есть дело хозяина, а не рабочего. Зачем же нам тогда привлекать все большие и большие массы для участия в производственных совещаниях, если рабочие эксплуатируются, когда это не их дело? Пусть хозяин старается! Если мы так поставим вопрос, то мало того, что нам грозит опасность оторваться от основных масс; мы тогда, очевидно, не сможем строить нашу промышленность. Это с очевидностью ясно.

Здесь я должен сказать, что вот с этим вопросом связан и еще один вопрос, который тоже отмечается некоторыми теоретиками, как повод для расхождения. Некоторые товарищи думают, что мы все время только отступаем, что наша партия, хотя она и красная, но она — красный вареный рак, который все время идет назад. Так вот, такой красный цвет нам люб, и хотя наш класс выварился в фабричном котле, как говорили в старину, и потому долюбливает красный цвет, которого пугаются исключительно только быки, так вот весь этот рабочий класс должен-де признать, что мы только тем и занимаемся, что отступаем. Но я должен вам заявить, что нэп вовсе не есть сплошное отступление и что развитие нэпа, развитие рабочего класса и деревни вовсе не есть попятный ход красного пролетарского рака. Мы можем сказать наоборот, что и мы наступаем на рельсах новой экономической политики, ибо когда растет наша государственная промышленность, а частная промышленность отходит на задний план, — что это такое? Это есть наступление пролетариата. Если мы вытесняем на рельсах нэпа частный торговый капитализм по оптовой торговле, — что это значит? Это — наступление пролетариата. Если мы вытесняем

частный капитализм из оптово-розничной торговли — это опять-таки наступление пролетариата. Разве это не так? Разве не верно, что форма классовой борьбы выражается у нас прежде всего в борьбе разных хозяйственных форм, и не есть ли это классовая борьба рабочего класса, если государственная промышленность вытесняет все остальные виды промышленности, и если государственная и кооперативная торговля планомерно и систематически оттесняют частную торговлю? Это есть наступление на рельсах нэпа. Когда Ленин устанавливал нэп, он говорил, что это есть отступление, но мы должны отступать для того, чтобы, перестроивши свои ряды, начать наступать. Я не говорю, что мы только сегодня начинаем наступать или завоевывать позиции. Нет, мы стали наступать уже тогда, когда начался рост социалистических элементов хозяйства. Это есть наступление на рельсах нэпа. Но если сомневаться в том, что наша государственная промышленность есть социалистический элемент, то никакого наступления не получится, потому что кто наступает? Если госпромышленность не социалистическая, то тогда нет социалистических элементов, тогда была бы круглая дырка, которая наступала бы, и тогда, совершенно естественно, никакие успехи нашей государственной промышленности не означали бы еще социалистического строительства. А так как мы одновременно развязываем товарооборот, мы уже не прижимаем железным кулаком кулака, то конечно перед нами было бы всеобщее отступление. Одно увязывается с другим. В действительности же мы разворачиваем оборот, но в то же время усиливаем социалистические элементы хозяйства, т.-е. в общем наступаем.

Извините, что я задержал ваше внимание, но разрешите сказать еще парочку слов. (Аплодисменты.)

Я скажу сейчас вот что: сейчас очень усиленно рассуждают люди о возможности перерождения. Это — почтенная тема и почтенная задача. Должен сказать, что если взять наши большевистские труды, то и я не был одним из последних, которые ставили теоретически этот вопрос. Но, товарищи, нужно ставить и этот вопрос с умом. Возможно ли теоретически наше перерождение? Конечно, возможно. Мы привыкли к трезвому, почти математическому учету; мы иногда просчитываемся, как было в деле с хлебозаготовками, но все-таки в некоторых вопросах мы думаем, что мы можем считать несколько лучше. При каких условиях

возможно наше перерождение, которое привело бы нас к гибели? Мне кажется, что я довольно подробно выяснил этот вопрос в полемике с Каутским и отчасти с Устряловым. Я считаю, что перерождение возможно вот при каких условиях. Представьте, что наша госпромышленность отступила бы, и частный капитал получил бы завоевание в сфере торговли. У него накапливаются определенные капитальные суммы, он их начинает вкладывать в различные промышленные предприятия. Но госпромышленность не может побить этих частных предприятий. Она слабеет. Частная промышленность растет и наступает, и мы со всех сторон окружены, должны отступать назад, а частная промышленность с частной торговлей стремятся обработать деревню. Крестьяне говорят: „На кой чорт нам ваши госпредприятия, если я покупаю все лучше и дешевле у частного капиталиста и торговца? Подайтесь назад“. И тычут своим кулаком по носу, прямо в физиономию. Мы должны отступать и производить ряд денационализаций. Удельный вес частной промышленности увеличивается, а мы сидим у власти. Промышленность наша из-под нас уходит. Мы сидим на массе, из которой по ручейкам уходит понемногу все содержимое, и мы с твердой почвы опускаемся на мягкую. А так как мы не желаем сдавать власти, то тогда в головах у людей, сидящих у власти, проходят такого рода рассуждения: ну что же, мы, пожалуй, удержимся, мы, пожалуй, сможем увильнуть, сманеврировать, пусть они пользуются, мы их допустим к работе, потому что ничего плохого не выйдет. Да и лучше, пожалуй, что мы допустим буржуазию на известных условиях работать и т. д. Когда мы удержимся у власти, а госпромышленности у нас не будет, что же будет? Она перешла в руки частного капиталиста, и мы должны выполнять его веления.

Такой процесс теоретически возможен, я согласен. Если кулак и частник в частной торговле нас побьют, и будут бить настолько, что начнут занимать и промышленные позиции и еще потом будут бить нас, а мы будем сидеть на одних книжках о ленинизме, — что тогда будет? Вот тогда дело будет плохо, тогда, само собой разумеется, что кое-какие красные директора сейчас же возьмут под руки спецов и скажут: из госпромышленности ничего не получилось, давайте помогайте. Они скажут: да, у нас есть опыт, давайте поможем частному капиталисту, а там увидим. Вот дорожка, вот выходные каналы. Часть коммунистов переродится, часть уйдет в подполье. Я думаю, что именно поэтому, именно

имея в виду эту ставку, меньшевики и эсеры вопят о том, что наша госпромышленность есть госкапитализм, о том, что у нас денационализация и т. д. Почему почтенный Устрялов говорит, что наша госпромышленность есть „оранжерейный продукт“, который отстывает? Почему он говорит о нашем „перерождении“? Именно потому, что все они хотят поддержать тенденцию к „перерождению“, известный процент которой есть. Вот как стоит вопрос. Но если в нашей партии есть товарищи, которые утверждают, что наша госпромышленность не социалистическая, которые помогают новым слоям рабочего класса плохо относиться к госпромышленности и тем самым ослаблять силу ее, то они помогают именно нашему перерождению, — вот, что это такое. Сейчас можно только таким путем помогать ему, если мы будем уверять рабочий класс в том, что он строит не социализм, а что-то другое. Нужно убеждать его именно в том, что госпромышленность есть промышленность социалистическая, в противном случае это будет подрыв основ нашей пролетарской диктатуры. И когда нам говорят: перерождение, и всячески склоняют это слово, то мы можем сказать так: а ну-ка, дорогие товарищи, теперь наша промышленность окрепла, купите себе зеркальце и посмотрите, не увидите ли вы там некоторых помощников этой тенденции?

Я сейчас подхожу к концу и должен вам сказать, что перед нами стоят задачи величайшей сложности. Одну из этих „сложностей“ я бы формулировал таким образом: мы, с одной стороны, должны ясно видеть перспективу нашего хода к социализму, а, с другой стороны, мы точно также должны видеть и опасности теперешнего дня. Мы должны ясно видеть общее и частное, мы должны видеть нашу общую генеральную линию хода к социализму через смычку государства с кооперацией, со средняком, и мы должны также видеть те опасности, которые конкретно стоят перед нами в данный момент. Мы можем наклоняться то в ту, то в другую сторону, мы можем или видеть перспективы хода к социализму и позабыть о кулацкой и частнокапиталистической опасности, или, с другой стороны, мы можем видеть кулацкую опасность и позабыть о ходе к социализму и пропустить середняка. Но зачем выбирать из этих двух глупостей? Ведь лучше избежать этих обеих глупостей. И потому мы должны сказать, что мы имеем в виду и общую перспективу, и мы видим те опасности, о которых я говорил в самом начале.

Еще два слова о социальной базе, о различных уклонах, кото-

рые в настоящее время имеются. Относительно так называемого кулацкого уклона, который в известной степени существовал в нашей партии и есть в нашей партии,—его социальная база совершенно понятна,—о нем распространяться нечего. Но мне кажется полезным сказать несколько слов относительно того, что выражают собой уклоны другого порядка. Мне кажется, что здесь перед нами такая постановка вопроса: на XIV партийной конференции наша партия, трезво, совершенно реалистически взвесив положение вещей, сказала, что нам нужно теперь ускорить товарооборот, потому что, если мы ускорим товарооборот по всей стране, включая и сельское хозяйство, если мы вовлечем в этот товарооборот все возможные ресурсы, мы тогда получим возрастающий ускоренный темп накопления в наших госпредприятиях, а если мы получим ускоренный темп накопления в наших госпредприятиях, т.е., если наша промышленность будет расти гораздо быстрее, чем это было до сих пор, то тем самым будут в еще большей степени обеспечены основные командные экономические высоты, и тем самым мы быстрее потащим всю тяжелую баржу крестьянского хозяйства за нами и быстрее будем продвигаться к социализму. Вот какой был расчет. С точки зрения классов это был расчет смычки с середняком. И тут нужно ясно подчеркнуть следующее обстоятельство: когда мы вводили нэп, то что получилось,—вспомните пожалуйста? Часть коммунистов сказала:—что это такое? Мы отступаем от осуществления коммунизма, мы допускаем капитализм, буржуазию,—это сдача коммунистических позиций. Вся буржуазия кричала: большевики сдали свои позиции,—нам лафа. А в действительности что было? Торгового аппарата у нас тогда не было. Ленин сказал: „Учитесь торговать“. Мы торговать не умели, и частный посредник врезался во все поры и даже в посредничество между госорганами. На первое время частный торговец внедрился повсюду. Если бы мы тогда под влиянием давления известной части бедноты, известной части пролетариата, которая неправильно понимала нэп, если бы мы тогда отошли назад и от нэпа отказались, то что бы мы получили? Мы обязательно погибли бы,—это теперь абсолютно ясно. Несколько сходное положение, но сходное только на малую дольку, мы имеем сейчас, потому что сейчас мы не делаем такого поворота, как при нэпе,—правда, мы сделали известный поворот, но он бесконечно более маленький, чем был тогда, но все-таки известный поворот мы сде-

ляли. В чем он заключается? Он заключается в том, что мы расширили арендные права, мы расширили права найма рабочей силы, мы до известной степени раскрепостили кулацкое хозяйство, расширили рамки товарооборота, мы спустили, прогнали остатки военно-коммунистических методов, которые были в деревне. Для чего мы все это сделали? Мы сделали это для того, чтобы возрос товарооборот, чтобы получилось больше дохода в госпромышленности и в государственной кассе, чтобы могли на этой основе оказывать действительно солидную помощь бедноте, поднимать ее коллективное хозяйство, помогать бедноте ставить хозяйство, помогать ей закупать машины и ставить коллективную обработку и т. д. Мы только недавно стали проводить политику XIV партконференции, и материально ее успехи скажутся только позднее, так же как и нэп не сразу развернул все свои благоприятные последствия. Но посмотрите, что в то же время говорят об этом. Говорят, как бы из этого не вышло плохого, — кулак укрепляется — и начинают трястись в истерике. А мы говорим — выдержка; политически мы бедноту строим во фронт, кое-что мы даем в фонд помощи бедноте, но мы ни на одну секунду не желаем отступать от основной линии XIV партконференции. Она есть основа нашей политики. Мы будем защищать бедноту и трудящихся до зубов. Мы будем помогать им: это будет наша абсолютнейшая задача — но мы не желаем возвращаться к системе комбедов, к системе раскулачивания, борьбу с кулаком мы строим по-новому, как это вытекает из теперешних условий. Наша база — это решения XIV партконференции, и только на основе этих решений можно правильно проводить резолюции октябрьского пленума. Если бы этого не было, то группы бедноты превратились бы в комбеды, а мы этого не хотим, никакого возврата к этим комбедам быть не может. Может быть, если бы перед нами была война, это было бы возможно, но и то не наверняка, и во всяком случае не сейчас. Прочная линия, которая была намечена XIV партконференцией, она абсолютно верна, но так как сейчас эта материальная помощь бедноте еще невелика, и в то же время кулак чувствует свое укрепление, то некоторые истерические барышни в нашей партии кричат: как бы не случилось греха, не повернуть ли нам обратно! Вот в чем сущность. А мы говорим, что Центральному Комитету нужна не истерика, а политика. (Аплодисменты.) И мы будем предлагать партийному съезду не истерику, а определенную твердую, ленинскую политическую линию.

И в заключение одно: сейчас у нас нет Ленина, это — огромнейшая вещь, имейте в виду. Мы просуществовали известное количество времени без товарища Ленина, но нужно сказать, что нашему партийному руководству приходится от этого потеть в десятки и сотни раз больше и преодолевать гораздо больше внутренних трудностей. Так будет, потому что у нас нет Ленина и нет единого авторитета. У нас сейчас может быть только коллективный авторитет. У нас нет человека, который бы сказал: я безгрешен и могу абсолютно на все 100 проц. истолковать ленинское учение. Каждый пытается, но тот, кто выскажет претензию на все 100 проц., тот слишком большую роль придает своей собственной персоне. (Аплодисменты.)

И вот, товарищи, для всей нашей партии вопрос сейчас стоит следующим образом. Разные толкования ленинской политики есть сейчас налицо. Кто же решает, кто является истинным толкователем ленинского учения? Мы на это отвечаем: это есть, в промежутках между партсъездами, ЦК, а высшей инстанцией и высшим толкователем Ленина является партсъезд РКП. (Аплодисменты.) И мы выражаем твердую уверенность, что если наш партсъезд решит ту линию, которую он решит, то этой партийной линии должны подчиняться все, как настоящей ленинской линии (аплодисменты), и всякий, кто будет от этой линии отступать, будь это отдельное лицо, отдельная группа или отдельная организация, будет рассматриваться с полным правом как оппозиция ленинскому учению, ленинской партии. (Аплодисменты.) А так как ленинская партия и ленинские традиции требуют абсолютного единства партии и борьбы с оппозицией и уклонами, то ленинский партсъезд в этом отношении точно так же окажется решающей величиной, и все мы, товарищи, идя на партсъезд, должны сказать, что, что бы ни случилось на партсъезде, — а мы уверены, что партсъезд займет абсолютно правильную линию, — все мы, как один человек, должны подчиниться решениям партсъезда и призвать к порядку всякого, кто пойдет и осмелится пойти против решений партсъезда. (Бурные аплодисменты.)

Речь на XIV съезде РКП (б)

19 декабря 1925 г.

Товарищи, я очень благодарен тов. Зиновьеву и думаю, что вместе со мною благодарен весь съезд за то, что тов. Зиновьев свой содоклад построил не в тоне того визга, который мы слышим ежедневно со страниц „Ленинградской Правды“, а в спокойном тоне, которым и подобает говорить на партийном съезде.

Я должен сначала сделать одно замечание. Мы на настоящем съезде имеем перед собой чрезвычайное, исключительное явление в нашей партийной жизни. По отчету ЦК выступает содокладчик — член Политбюро ЦК. Мы, таким образом, имеем налицо факт первоклассной политической важности. Если раньше все время речь шла о том, что будто бы никто из ленинградских руководителей вовсе не имеет в виду Центрального Комитета и его политической линии, выражающей политику большинства нашей партии, а все дело в одном Богушевском (или даже, как открыто сказал тов. Саркис, что Богушевский, это есть псевдоним Бухарина, хотя я в жизни не видал этого Богушевского), то теперь всякому совершенно ясно, что вы, дорогие товарищи, мягко выражаясь, вводили в заблуждение ленинградский пролетариат. (Голоса: „Правильно!“ Шум. Евдокимов: „Неправда! Съезд должен быть информирован“.)

Товарищи, я не хотел ровно никого обидеть. Это было бы смешно в такой серьезный момент... Это не соответствует серьезности момента, а я могу вам доказать по стенограмме речей, произнесенных на ваших районных конференциях и на губернской вашей конференции, что выступавшие там ораторы определенно подчеркивали, что речь идет не о противопоставлении ими какой-нибудь линии ЦК. Это факт, а сейчас вы демонстрировали своим содокладом, что вы противопоставляете свою линию

линии ЦК. (Аплодисменты.) Если вы за линию ЦК, то совершенно непонятно, для чего нужен содокладчик.

Почему и для чего я все это говорю? Для того, чтобы весь съезд и вы, товарищи из Ленинграда, поняли, что речь идет о тяжелейшем кризисе внутри нашей партии.

Итак, я говорю, что самый факт содоклада по отчету ЦК представляет собой явление громадной политической важности. У нас за последние годы были стычки с оппозицией, но оппозиция никогда не требовала себе содоклада по отчету ЦК. Это показывает, насколько действительно сейчас остро положение и с какой большой серьезностью мы должны отнестись к той дискуссии, которая сейчас развернулась внутри нашей партии и которой сейчас охвачен XIV партийный съезд.

Я должен, товарищи, сделать еще и второе замечание, касающееся различного рода практических мероприятий, которые нам предлагают. Нам говорят, что большинство ЦК повинно в потакании кулацким и прочим уклонам. Прекрасно, что же вы предлагаете? Какие конкретные мероприятия? Что вы предлагаете нового в области практических мероприятий, что вытекало бы из вашей позиции, с таким мужеством защищаемой вами? В чем система ваших мероприятий, где они? Вот, когда таким образом поставить вопрос, мы сразу же натываемся на удивительное обстоятельство. Поднят великий шум. Поставлена на ноги огромнейшая, великолепнейшая в общем организация, противопоставлены здесь, на партийном съезде, два докладчика. А где же, спросим мы вас, ваши практические предложения по линии помощи бедноте, обуздания кулака, по линии новых мероприятий, ведущих к организации деревенской бедноты, или каких-нибудь административных или экономических мероприятий по отношению и против кулачества? Мы этих практических предложений не видим, их нет. Вы подписали вместе с нами резолюции XIV партийной конференции, которые прошли единогласно. Вы подписали вместе с нами и резолюции октябрьского пленума, которые тоже прошли единогласно. Что могли мы предложить при зрелом обсуждении вопроса о помощи деревенской бедноте? Вы знаете, каковы главные решения, выдвинутые нами на очередь в этой области. Это—решения о материальном фонде для помощи бедноте, с одной стороны, о бедняцких группах в деревне — с другой. А что же вы предлагаете сверх этого?

Не приходится ли нам здесь констатировать известную поли-

тическую импотентность наших оппонентов (с м е х), которые много шумят, но мало предлагают?

Впрочем, два предложения специфического свойства мы видим со стороны новой оппозиции.

Первое из них—в области работы комсомола и второе— в области регулирования состава нашей партии.

В области комсомола от них исходило предложение, которое гласило, что вокруг комсомола нужно создавать делегатские собрания из беспартийной середняцкой молодежи. Мы против этого возражали. (Г о л о с а с м е с т а: „Этого не было“.) Будьте любезны выйти сюда на трибуну и сделать ваши заявления. Уверю вас, что я не устал и вполне могу выдержать с вами словесный бой. Товарищи, такое предложение по работе комсомола было, и оно было отвергнуто большинством Центрального Комитета. Почему оно было отвергнуто? Потому, что мы считаем, что если бы мы сейчас стали организовывать середняцкую молодежь вокруг комсомола в особую организацию, хотя и группирующуюся вокруг комсомола, то при колоссальном росте активности крестьянства эта организация превратилась бы фактически, — хотим мы того или не хотим,— в самостоятельный крестьянский середняцкий союз. А мы этого не хотим, потому что это может означать разрыв блока между рабочим классом и крестьянством, потерю пролетарского руководства. И если с этой точки зрения мы посмотрим на это упомянутое мною предложение, то мы должны будем констатировать, что оно идет по линии капитуляции пролетариата перед мелкой буржуазией.

У нас было с вашей стороны и второе предложение. Это—саркисовская постановка вопроса о партии. Тов. Зиновьев в своем докладе об этом не говорил. Как ни старался он прикрыть то, что случилось, но этого на самом деле прикрыть нельзя. Он говорит: „Почему вы полемизируете со статьей, которую вы не напечатали?“ Это — мелочь, но я должен ответить на этот упрек, ибо он направлен по моему адресу. Я отвечаю: потому не мог напечатать, что тов. Зиновьев увез эту статью в своем собственном кармане и ее, несмотря на свое обещание, не возвратил. (С м е х.) Это — мелочь, но тов. Зиновьев как-то позабыл, что обещал редакции „Правды“ ее возвратить. Конечно, я не буду обвинять его в похищении злосчастной саркисовской статьи. Дело не в этом, а в сути предложения. Саркис написал свою статью таким образом, что можно было понять, что он предлагает 90% состава

всего промышленного пролетариата от станка ввести в партию. Фраза была построена так, что можно было именно так ее понять.

Тов. Саркис разъяснил свою точку зрения так: я, мол, хотел сказать нечто другое: не 90% состава промышленного пролетариата от станка должно войти в партию, 90% партии должно состоять из рабочих от станка через год, к следующему, XV, партийному нашему съезду.

У нас около миллиона членов партии, из них около 600 тысяч — не рабочие от станка. По Саркису, они должны составлять 10%. Так как он умеет считать до ста, то он должен неизбежно притти к выводу, что вся партия должна состоять из 6 милл. А так как партия равняется сейчас всего лишь одному миллиону, то, значит, т. Саркис предлагает партии к следующему партийному съезду, в течение года, экстренным порядком, — в порядке спасения от кулацкой опасности, — набрать 5 милл. членов партии. Очевидно, в связи с тем, что многие товарищи у нас заражаются рыночной конъюнктурой и категориями нэпа, они любят употреблять в своих выступлениях проценты. Что ни лозунг, то проценты: 100%, 90%, 80% и т. д. Одним словом, начали торговать. Но, товарищи, это умение торговать предполагает ведь и некоторое элементарное умение считать. И этого элементарного умения считать тов. Саркис не обнаружил. Ну, хорошо, можно его отдать в первоначальную школу для обучения арифметике, но от этого партии ни капли не легче, ибо все это имеет политический, а не арифметический смысл. Если бы мы следовали советам тов. Саркиса, мы бы сейчас нагнали колоссальное количество крестьянских элементов в пролетарскую партию, хотя бы и под этикеткой пролетариата.

Надо заметить, что тов. Зиновьев любит бросать тысячу фраз, из которых трудно понять смысл. Он здесь говорил о рабочем сырье. Откуда-де это рабочее сырье? — спрашивал он.

Неужели же тов. Зиновьев не понимает, откуда оно берется? Из деревни, т. Зиновьев! А так как это сырье — не просто сырье, а сырье, идущее из деревни, то нетрудно сообразить, что это сырье обозначает на деле. Конечно, т. Саркис, который работал в Баку, не помышлял абсолютно о том, что его предложение идет по линии крестьянского уклона, а объективно на деле это именно так. Какое же тут парадоксальное явление получается? Товарищи кричат, что мы сдали позиции мелкобуржуазной крестьянской стихии, но в обоих своих предложениях они тем именно

и отличаются от нас, что предложения эти идут как раз по линии капитуляции перед крестьянской мелкой буржуазией. Вот тут и разберитесь.

Итак, в этом — вся программа ваших требований. Никак вы этого не в состоянии отрицать. Вы не можете отказываться от простых правил арифметики, ибо это — элементарное завоевание культуры, хотя бы и буржуазной, а по Ленину, как известно, мы эту культуру обязательно должны усвоить. Мы должны сказать, что т. Саркис, правда, не совсем удачно, но пытался все же маневрировать. сперва он упоминал в своих предложениях 90%, рабочих от станка, затем эти 90% превратились в 80% и 60% без станка; далее сюда вошли не только индустриальные, но и сельскохозяйственные рабочие; сперва эта цифра предлагалась для всей России, потом только для Ленинграда; сперва она должна была быть реализована в течение одного года, потом в течение ближайшего периода. Этот танец называется „последовательной ленинской твердостью“. Вот, товарищи, как обстоит дело с конкретными предложениями. Всякий товарищ отлично знает, что „всеу законы писать, ежели их не выполнять“, — всеу, значит, болтать, если не предлагать чего-либо практического. Ленин много раз говорил, что прошло время беспочвенного красноречия, что нужно проводить целый ряд практических мер, проверяя практический опыт на местах. Так, и только так, нужно ставить сейчас вопрос. Где же практические предложения? Их только два. И эти два Аякса ясно не выдерживают никакой критики и явно обнаруживают крестьянский уклон.

Теперь позвольте перейти после этих замечаний к тому, что представляет собой, на мой взгляд, та дискуссия, которую мы сейчас ведем, и на что партии в этой дискуссии нужно в первую очередь обратить внимание. Нет необходимости долго останавливаться на том, что в основе нашей дискуссии лежит вопрос об отношении между рабочим классом и крестьянством. Я только думаю, товарищи, что нашу теперешнюю дискуссию следует рассматривать в свете двух предыдущих дискуссий — против т. Троцкого и против оппозиции предыдущих „туров“. Я думаю, что это совершенно не случайно. У нас создалась теперь новая хозяйственная обстановка, новая международная обстановка, и партия с конвульсиями и внутренними потрясениями нащупывает правильную позицию в области нашей крестьянской политики в новых сложившихся условиях. Прав т. Зиновьев, который гово-

рит, что очень часто мы дискутируем по этикеткам, по значкам, по символам, которые фигурируют в печати, в то время как мы дискутируем, по существу дела, по другим вопросам. Так обстояло в особенности дело с нашей первой дискуссией. Во второй дискуссии вопрос стоял отчетливее. В первой дискуссии мы дискутировали такие вещи, как внутрипартийная демократия, группировки и т. д. И только в конце дело дошло до политики цен и прочего. По сути дела это была подготовка к тому, чтобы поднять дискуссию по крестьянскому вопросу. Вторая же дискуссия прошла в таких условиях, когда вся партия и ее руководящий состав уже гораздо лучше понимали самую суть спора

Совершенно не случайно было (как не случайно то, что сейчас выдвинут на первый план вопрос о госкапитализме, о возможности строительства социализма в одной стране и т. д.), — совершенно не случайно, что тогда был вытащен такой „отдаленный“ вопрос, как вопрос о „перманентной революции“ и проч.

Если посмотреть с точки зрения различных группировок, то это была борьба с известной частью руководства в нашей партии со стороны большинства ЦК. Если рассмотреть эту борьбу с точки зрения содержания, эта борьба была попыткой партии нащупать и более сознательно и более правильно поставить вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством в новых условиях.

И вот теперь, товарищи, мы переживаем третью волну дискуссии, котор я вытекает из тех двух, которая является их продолжением, которая является постановкой этой дискуссии на известной новой основе и до известной степени, опять-таки, в изменившихся условиях. Теперь дискуссия становится еще более, если можно так выразиться, сознательной, ибо партия не дискутирует вопрос под какой-либо прямо не связанной с делом этикеткой, а берет сразу „быка за рога“

Основная сложность теперешней постановки вопроса заключается, между прочим, в том, что если мы в первой и во второй дискуссиях рассматривали вопрос о крестьянстве в более или менее сплошной постановке вопроса, то теперь мы поставили в упор вопрос о разнообразии подхода по отношению к различным слоям крестьянства. Вот, товарищи, как надо рассматривать содержание нашего спора. Само собою разумеется, что если бы с нами был Владимир Ильич, который представлял в своем лице величайший инструмент для сбережения общепар-

тийной энергии, мы бы не имели такого громадного количества внутренних трений, конфликтов, дискуссий, инцидентов, а гораздо более прямым путем, с величайшей экономией партийной энергии перешли бы к правильному решению вопроса. Но с нами нет Ильича, с нами нет этого гениального инструмента. И поэтому в сложившихся в настоящее время условиях партия переживает очередную свою „схватку“, после которой,—я глубочайшим образом в этом уверен,—она выйдет еще более окрепшей идеологически и еще более высоко закаленной.

Товарищи, если мы поставим вопрос о социальном фоне этой новой дискуссии, о том, в какой общественной обстановке она сейчас протекает, то нужно отметить здесь три главных факта. Во-первых—факт нарастания буржуазных прослоек в деревне и в городе, во-вторых—повышение активности всех слоев, всех классов, при чем в особенности нам нужно подчеркнуть наличие этого процесса в деревне, и в третьих—появление новых слоев пролетариата. Вот тот социальный фон, на котором происходит теперешняя наша внутрипартийная дискуссия. Само собою разумеется, что новые слои, притекающие в наш пролетариат, ставят нам коренной вопрос; приходя в первый раз на нашу фабрику, они спрашивают: что она такое? Полукрестьянин-полурбочий приходит на нашу фабрику и тотчас же хочет определить свое социальное место в ней: эксплуатируется он или нет? к чему ведет наша организация промышленности? чем отличается наша фабрика от старой? Он задает эти вопросы, он болезненно их ставит.

С другой стороны, наша политика еще не успела привести к обеспечению всей надлежащей помощи крестьянской бедноте, и, само собою разумеется, она вызывает еще целый ряд недоуменных вопросов со стороны этой деревенской бедноты. Таким образом, эти элементы на фоне абсолютного роста буржуазных прослоек стучатся кулаками своих вопросов в двери нашей партии. Наша партия является единственной политической организацией в стране, которая эти вопросы отражает, ставит их, должна их решать и будет их решать.

Приход новых рабочих в первую очередь, мне кажется, способствовал тому, что все эти вопросы подняты сейчас на принципиальную высоту. Некоторые думают так: при чем тут госкапитализм и прочее? Разодрались, мол, члены Центрального Комитета, и все тут. Это неправильно. Так же неправильно была такая по-

становка вопроса, когда мы дебатировали, казалось бы, такую отдаленную проблему, как проблема перманентной революции.

Позвольте мне теперь попытаться на партийном съезде показать, каким образом все эти вопросы увязаны с вопросами практической политики, увязаны с некоторыми особенностями некоторых тенденций, за открытое название которых против нас протестуют. У нас, товарищи, считали всегда в качестве основного вопроса вопрос о возможности при настоящих классовых силах и при настоящих классовых сочетаниях строить социализм в одной стране. Казалось бы, какое отношение имеет этот вопрос к данному моменту? А он имеет ближайшее отношение. Товарищи, этот вопрос мы отчасти уже дискутировали в предыдущих дискуссиях, потому что со стороны ряда товарищей, которые были в оппозиции в первой дискуссии, именно этот вопрос ставился в первую очередь. Для чего мы тогда вытащили теорию перманентной революции? Мы вытащили ее потому, что нам казалось,—и я полагаю, что это совершенно правильно,—что ошибки оппозиции таят в себе зародыш сомнений в возможности строить социализм в нашей стране. Мы имели отрицание идеи строительства социализма вместе с крестьянством, при пролетарском руководстве им, отрицание, покоящееся на мысли, что крестьянство является абсолютным антагонистом и даже контрреволюционным „союзником“ рабочего класса. При таком подходе совершенно естественно отрицать возможность строительства социализма в нашей стране. Мы в этих дискуссиях вполне завоевали, мне кажется, для всей партии ясное и точное убеждение в том, что из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашьям шагом, но что все-таки мы социализм строим и что мы его построим. По этому поводу у нас и разгорелся спор на одном из заседаний Политбюро, примерно ко времени XIV партийной конференции. Я здесь утверждаю, и это может подтвердить целый ряд свидетелей, членов Центрального Комитета, что тов. Каменев, а за ним и тов. Зиновьев защищали на этом заседании ту позицию, что мы не сможем строить до конца социализм из-за нашей технической отсталости. Мы об этом спорили с ними, мы из-за этого вопроса ломали копья. Мы соглашались с ними, что гарантией от интервен-

ции, от новой войны, от реставрации, принесенной на штыках капиталистических армий, может быть только международная социалистическая революция; но мы оспаривали со всей страстностью выдвинутое ими положение, что мы должны погибнуть из-за нашей технической отсталости.

Мы считали, что это есть попытка стащить нас назад, на рельсы, которые мы уже прошли (голоса: „Правильно!“), на точку зрения, которую партия уже преодолела. Я должен сказать, что вся партия и весь партийный съезд не могут сейчас удовлетвориться общими криками: „А что это такое! Строительство социализма в одной стране, это—национальная ограниченность!“ и проч. Извольте расчленить, товарищи, этот вопрос. Он не стоит так просто, как думают некоторые простачки, как многим это кажется. Он стоит гораздо сложнее. Вопрос о невозможности социалистического строительства в одной стране, понимаемый как отсутствие гарантии этого строительства из-за военно-интервенционной опасности, это—одно дело. А совсем, совсем другое дело, если ряд товарищей ставит вопрос таким образом, что мы не сможем справиться с трудностями строительного периода потому, что у нас отсталая техника, потому что у нас отсталая экономика, потому что у нас такое сочетание классовых сил, когда подавляющее большинство населения состоит из крестьянства. Вот в чем разница. Вот как стоял действительно вопрос. И этого нельзя никоим образом затушевывать. А т. Зиновьев, который написал книгу по основам ленинизма, этот вопрос затушевывает, потому что у него расчленения этого вопроса совершенно нет. А спор именно и был в этом расчленении. Если тов. Зиновьев действительно хотел „по чести“ эту проблему разобрать,—а писал он книгу в высокой степени полемическую, а вовсе не академическую, и я абсолютно не делаю ему в этом никакого упрека,—то он должен был разобрать эти две струи, эти две отчетливо сформулированные точки зрения, и не запутывать здесь публику. Я основываюсь на фактах и документах, а не на рассуждениях. Я основываюсь на факте спора, который был у нас в Политбюро, на тех поправках, которые внесли я и тов. Сталин и за которые мы боролись по этому вопросу. Так обстояло дело.

Теперь позвольте,—копались здесь в моем прошлом, и я имею полное право покопаться в прошлом других товарищей. (Голоса: „Правильно!“) Я в этих старых разногласиях не копался бы,

если бы меня не толкнули на это. Беру книжку тов. Зиновьева, которая называется „Ленинизм“, и читаю относительно оценок наших классовых соотношений и тех разногласий, которые были в октябре 1917 г. „Моя личная ошибка,— пишет тов. Зиновьев,— была в том, что линию в статье „О компромиссах“ (это—статья Владимира Ильича), годную для данного конкретного момента, я провел на несколько дней дальше того, что было возможно“. Отсюда тов. Зиновьев вывел заключение о том, что его ошибка в октябрьские дни была в том, что он на несколько дней продолжил линию Владимира Ильича о компромиссах! Это—смешно! Это, конечно, умаляет ошибку тов. Зиновьева. Это гигантски умаляет ошибку потому, что разве можно сводить свою гигантскую ошибку к тому, что на несколько дней продолжена линия Владимира Ильича? Прямо смешно так формулировать. На несколько дней! Эти несколько дней включали целый ряд фактов, о которых я не считаю необходимым упоминать, которые всем вам отлично известны.

Почему обо всем этом я говорю? Я говорю потому, что в этом маленьком отрывочке сказывается то, что тов. Зиновьев не понимает масштаба своей старой ошибки. (Голоса: „А вы признали: обогащайтесь“.) Я-то признавал прямо, а не говорил, что „продолжил лозунг Ленина на несколько дней“. (Смех.)

Так вот, товарищи, если мы с социально-экономической стороны к этому вопросу подойдем, разве можно сказать, что товарищи тогда сдрейфили и т. д.? Ничего подобного. У них была своя оценка: у Каменева была оценка ярко выраженная, у Зиновьева была оценка более слабо выраженная; у Каменева была оценка, хорошо сформулированная, у Зиновьева была оценка, слабо сформулированная. Оценка была. Это совершенно ясно. Каменев ее развивал с апреля 1917 года, когда он доказывал, что мужик не может быть союзником пролетариата, что социалистическая революция не может предполагать сотрудничества с крестьянством и что при данных условиях, при данной ситуации нельзя проделать социалистическую революцию, что это все—фантазия. В смягченной форме тов. Зиновьев боролся с этим, но в смягченной же форме тов. Зиновьев, в конце концов, пристал к этой точке зрения. Что это такое? Это—точка зрения неверия в силы масс, в силы рабочего класса, который руководит крестьянством. Недооценка сил рабочего класса,— в этом состояла их ошибка, а вовсе не в том, что они „про-

должили статью о компромиссах". Вот эта-то ошибка через некоторое количество времени обнаружилась, как старая отрыжка. Если они тогда говорили, что нельзя идти на восстание, потому что из этого ничего не выйдет, то теперь они говорят: „Мы погибнем от технико-экономической отсталости, если не будет международной революции“. Это связано одно с другим. Это в новой обстановке, в новых условиях, по новому поводу, с точки зрения новых причин есть повторение той же ошибки в другой формулировке, более легкой, конечно, для партии, потому что период не настолько критический, потому что вся полоса развития другая.

Вот в чем дело. И тут связь безусловно есть, связь, которую мы должны здесь отметить, ибо, если она не будет нами отмечена, мы тогда не будем в состоянии понять, каким образом эти товарищи повторяют такого рода ошибки.

Здесь упоминалось, что в крестьянском вопросе сторонники большинства ЦК, особенно, конечно, я, грешный (выгодно сейчас обстреливать ЦК через мою скромную фигуру), обнаруживают отход от ленинизма в области крестьянского вопроса. Но мне кажется, что отход от ленинизма в оценке классового соотношения сил обнаруживает кто-то иной. Но бывает иногда так, что товарищи бросаются в крайности именно потому, что у них нет твердой ленинской линии. Позвольте мне сослаться здесь на т. Зиновьева и обменяться „по должности“ комплиментами. (Смех.)

Тов. Зиновьев написал за последнее время две, как говорят немцы, *epochenmachende Bücher* (т.-е. книги, делающие эпоху). (Смех.)

Это, с одной стороны,—книга „Ленинизм“, а с другой стороны,—„История РКП“. Обе эти книги в колоссальном количестве экземпляров расходятся, читаются (с места: „Особенно „История РКП“), да, особенно „История РКП“. Она расходуется в миллионах экземпляров, она должна учить истории РКП. История РКП есть как будто история ленинизма. Да? История ленинизма есть как будто история большевизма. Да? По крайней мере, мы до сих пор так понимали. (Смех.) Большевизм является, между прочим, учением об отношении рабочего класса к крестьянству, учением о соотношении классовых сил и о роли крестьянства. Я беру эту „Историю“ тов. Зиновьева и нахожу в третьем издании Ленгиза 1924 г., на стр. 92, следующую оценку революции 1905 года и оценку классовых сил примерно около того же периода:

„В 1903 году картина была такая: налицо были три основных силы — царское самодержавие, рабочий класс и либеральная буржуазия. Рабочий класс говорил: используем либеральную буржуазию против царя, а завтра будем с нею драться; либеральная буржуазия говорила: используем рабочих против царя, а завтра будем драться против них. При таком положении вещей ясно, что отношение к либералам, к буржуазии было центральным, коренным вопросом, определявшим будущую тактику на целую эпоху“.

(Г. Зиновьев. „История РКП“. Изд. 3-е. ГИЗ, Ленинград, 1924 г., стр. 92.)

Три основные силы: самодержавие, т.-е. помещики, либеральная буржуазия и рабочий класс. А где крестьянство? Очевидно, тов. Зиновьев был очень голоден и „скушал“ крестьянство. Я не такой охотник цитировать, как тов. Зиновьев, я думаю, мне поверят и на слово, но у меня есть десятки тысяч заявлений тов. Ленина, которые гласят, говорят, учат, что национальной особенностью нашей революции 1905 года был аграрный, крестьянский вопрос, что аграрный вопрос являлся стержнем всей революции, что крестьянство являлось тем классом, который мог бы быть основным союзником рабочего класса, что именно эта проблема есть центральная проблема для всего большевизма. Все это мы знаем. Почему же тов. Зиновьев пишет иначе? Почему десятки тысяч молодых товарищей учат, что крестьянства не было в революции 1905 года? Почему т. Зиновьев после того, как ему трижды, четырежды говорили, что это неправильно, что это вызовет огромное смущение среди членов нашей партии, что так нельзя играть с людьми, что так нельзя воспитывать людей, — почему т. Зиновьев не исправил это место и не сказал: „Я здесь ошибся“. Почему? Потому, что гордыня мешает. Вот с Бухарина можно требовать, чтобы он аншлаг вывесил с каталогом своих ошибок. А для т. Зиновьева — другое дело. Что от этого получается? Получается, что у нас весь партийный молодежь воспитывается на таком ленинизме, в котором нет ни грана ленинизма. Ибо какой же, в самом деле, ленинизм без роли крестьянства? Я должен сказать, что это чрезвычайно показательно. А если бы мы поступили по рецепту некоторых товарищей из Ленинграда и мотались по собраниям и говорили: „Зиновьев предал ленинизм“, „Зиновьев предал ленинизм“, „Зиновьев

предал ленинизм“, имели бы мы на это право? Полное, если становиться на точку зрения некоторых ленинградских товарищей.

Товарищи, мне кажется, что такое отношение к делу легкомысленно. Мы должны быть гораздо более осторожны, когда мы пишем учебники, чем даже тогда, когда говорим на митинге. Вот какой подход характеризует отношение наших оппонентов ко всем вопросам; ничего не стоит скушать крестьянство, вставить крестьянство, без него обойтись, его вдвинуть, — это, так сказать, не суть важно. Так нельзя играть, так нельзя относиться к своей собственной работе и так нельзя относиться к партии.

Теперь, после этого, на мой взгляд, основного вопроса—о возможности строительства социализма в нашей стране—я перехожу к другому вопросу—к вопросу о нэпе. Тов. Зиновьев говорил здесь, потрясая изо всех сил рукой, что мы объявим священную войну тем, которые отождествляют нэп с социализмом. Но мы не видим таких дураков. Я, по крайней мере, не встречал ни одного заявления, высказанного в литературе, на митингах, где кто-нибудь отождествлял социализм и нэп. Кто сделал такие заявления? Это ведь вздор какой-то.

Вы объявили священную борьбу тем, кто думает, что у нас кругом социализм, куда ни плюнь. Очень хорошо. Такую священную войну мы охотно поддержим. Но где вы нашли таких дураков, которые бы говорили, что у нас, куда ни плюнь, везде социализм? Я таких не знаю. Если здесь назовут документы на этот счет, а не просто будут оперировать одними словами, тогда можно спорить. Сейчас же этот спор беспредметный. Вообще у тов. Зиновьева в его реферате есть два метода: притворяться, что „они“ одни защищают всем известные вещи, и притворяться, что другие думают не то, что они думают. Тов. Зиновьев выходит на трибуну и говорит: мы объявляем священную войну тем, кто смешивает нэп с социализмом. Очень хорошо. Мы будем делать то же. Мы тоже будем бороться с теми, кто считает, что у нас кругом социализм, везде и всюду. Но когда вы просовываете палец и, указуя этим пальчиком, хотите сказать или заподозрить или бросить тень по существу на определенных лиц, вы попадаете оным пальцем в небо. (Смех. Аплодисменты.)

Позвольте сказать, какое у нас действительно есть различие. У нас есть различие, которое можно формулировать таким образом: у тов. Зиновьева и его ближайших друзей нэп трактуется почти исключительно как отступление. Я это утвер-

жду и могу доказать в любом месте, в любое время. У тов. Зиновьева везде, где говорится о нэпе, речь идет об отступлении. Перелистывая книгу „Ленинизм“, мы читаем: стр. 223—отступление, стр. 226—отступление, стр. 255—отступление. В качестве всеобщей формулы, которой он охватывает нэп, он употребляет следующее выражение: „Нэп есть самое широкое отступательное движение ленинизма“. Правда, это не совсем понятно ни с точки зрения смысла, ни с точки зрения русского языка. Все-таки речь идет об отступательном движении ленинизма, которым характеризуется нэп. А рассматривал ли тов. Ленин нэп только как отступление? Тов. Ленин рассматривал нэп, как большой стратегический маневр, который включает в себя элемент отступления—раз, переорганизацию рядов—два, наступление перестроенным фронтом—три. (Голоса: „Правильно!“ Аплодисменты.) Если вы обязательно хотите, чтобы каждое слово подтверждалось цитатами Ильича, я могу привести эти цитаты. А в период Генуи не заявлял ли Ильич, что наступление приостанавливается? (Голоса: „Заявлял“.) Вы говорите: только отступление. А мы говорим: отступление, переорганизация и наступление. (Евдокимов с места: „И мы так ставим вопрос“.) Так заставьте своего дорогого вождя тов. Зиновьева вставить это в свою книжку. (Смех, аплодисменты.) Теперь я вас спрашиваю: а имеет ли этакая трактовка Зиновьевым нэпа связь с его неверием в возможность строительства социализма при нашей технической отсталости? Ясно. Международная революция затянулась. Мы отступаем, ну, и отступаем бесконечно. Отсюда—эта замечательная идея навела на смертный грех и тов. Залуцкого: раз международной революции нет, она затянулась,—что осталось делать? Ясное дело, остается одно—переродиться. И, конечно, раз все люди смертны, все доступны перерождению, то этому перерождению доступен и Центральный Комитет. (Смех.) Тов. Залуцкий так и брякнул.

Вот как обстоит вопрос о нэпе.

Если на партийный съезд решаются приходить и говорить: „Долой, ату тех людей, которые считают нэп социализмом“,—пожалуйста, все вам 100% (как вы часто любите выражаться), все 100% нашего согласия. А если будете говорить, что нэп есть только отступление, то извините. Мы считаем, что мы ленинскую точку зрения защищаем, а не вы. Вы должны были зачеркнуть у Ленина несколько слов, что отступление приостановлено и т. д. Зачеркнуть, как это делает тов. Зиновьев в своей книжке...

(Шум.) Я знаю, что вы умеете кричать, вы доказали это блестяще. (Аплодисменты.)

Вот, товарищи, как обстоит вопрос о нэпе. Если бы вы мне показали, что на какой-нибудь странице есть одно затерявшееся об этом словцо,—это ни капли вас не спасает, потому что в решающих местах, когда вы трактуете основы нэпа, у вас этого нет.

В связи с этим вопросом встает и другой вопрос, пресловутый вопрос о государственном капитализме. Я не могу обойти молчанием этого вопроса. Тут, товарищи, производят совершенно определенную стратегическую диверсию. Диверсия эта заключается в том, что они хотят сбить партийный съезд и сбивают его с обсуждения вопроса так, как он стоит теперь, на вопрос, как он встал в 1921 году. Я не отрицаю цитат из „Красной Нови“, пускай все товарищи признают, что в этом вопросе я ошибался. Но, товарищи, совсем плохо и никуда негодно, когда этой маской стараются заслонить вопрос, который является самым существенным вопросом текущего момента. Вы меня извините, но я обязан партийному съезду сказать всю правду. В заявлении, которое здесь делает тов. Зиновьев, он говорит: „Мы вместе с товарищем Лениным утверждали, что наша государственная промышленность есть промышленность последовательно-социалистического типа“. В декларации ленинградской конференции, обращенной к московской конференции, говорится: мы считаем вместе с тов. Лениным, что наши государственные предприятия суть предприятия последовательно-социалистического типа. И московской конференции бросается обвинение, которое гласит, что вздорным является обвинение, будто некоторые из ленинградских руководителей подходили к вопросу иначе. Я берусь за руководителей и смотрю, что они говорят; беру тов. Залуцкого, особенно интересного по последовательности своих мыслей.

Я беру брошюру тов. Залуцкого и читаю:

„Мы делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия „социалистического типа“, но работающего еще на началах „государственного капитализма“, в подлинно-социалистическое предприятие... То, что мы имеем сейчас в основном, пока есть то, что В. И. Ленин называл государственным капитализмом“...

Тут, правда, сказано в том примерно стиле, в котором говорил тов. Зиновьев об „отступательном движении ленинизма“. Там, у тов. Зиновьева, было „отступательное движение“, а тут — „шаги

подхода к превращению". Но оставим этот замечательный стиль и перейдем к делу. Что же, эта формулировка есть то же самое, что „предприятия последовательно-социалистического типа“, или нет? Ну, товарищи, у вас здесь никакого выхода нет, потому что тов. Залуцкий сам сознался в своей ошибке. Тов. Залуцкий писал:

„...После того, когда я увидел в „Правде“ целый ряд статей по этому вопросу, мне стала ясной неудачность отдельных моих формулировок. И я признаю их ошибочность“.

(Залуцкий — „Ленинградская Правда“ от 13/XII.)

Крыть-то вам уж нечем. Неудачность вашей позиции заключается в том, что вы теперь от прежней формулировки отказались и приняли формулировку: „последовательно-социалистические предприятия“, т.-е. сдали всю свою позицию целиком, а потом приходите и говорите с невинным видом, что вы ничего плохого не говорили и ни от чего не отступили. Если вы говорите, что вы ни от чего не отступили, то зачем тов. Залуцкий говорит, что он признал какую-то ошибку? А если он признал ошибку, то будьте любезны сказать, что вы отступили.

Вот как обстоит вопрос относительно тов. Залуцкого.

Я перехожу теперь к тов. Зиновьеву, который здесь говорил, что „мы“-де все за формулу: „последовательно-социалистические предприятия“. Тут я прежде всего обнаруживаю, что у тов. Зиновьева в его книге „Ленинизм“ в главе о госпромышленности ничего о последовательно-социалистическом типе наших госпредприятий нет. Почему такой фокус случился? В „Истории РКП“ нет крестьянства, а тут нет предприятий последовательно-социалистического типа. Почему тов. Зиновьев претендует на стопроцентный ленинизм, а в своей книге скрывает от партии мнение Ленина? Мне кажется, что так обращаться с Лениным — немножко бесцеремонно. Можно цитаты надергивать как угодно, но это не значит обращаться с ними так, как это подобает.

Главное место у тов. Зиновьева, которое гласит о государственных предприятиях, изложено следующим образом:

„Разве даже в современных наших государственных трестах, в их операциях, в их системе работы, в их окружении и т. д. и даже в нашей современной кооперации нет элементов капитализма? Разве рабочие, крестьяне, народ не видят, не чувствуют этого? Разве не почувствуют рабочие всей фальши, если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм?“ (Зиновьев. „Ленинизм“, стр. 254.)

Так гласит главное место книги тов. Зиновьева насчет нашего государственного капитализма. Разумеется, у нас элементы капитализма есть всюду и везде, и никто этого отрицать не будет. Напрасно т. Зиновьев вытаскивал здесь мою старую статью в доказательство того, что я тогда был умнее, а теперь я перестал будто бы понимать. Я напому лишь о моей другой, недавней, статье — об Устрялове, где я к этому вопросу подошел.

Я перейду к разбору этой цитаты. Решающего места о последовательно-социалистических предприятиях нет, и тут опять т. Зиновьев, очевидно, был голоден и скушал его. А затем следующее место: „сладенькая фраза о том, что „это“ — социализм“. Выходит, что Ленин занимался „сладенькими фразами“. Тут ничего понять нельзя.

Затем я считаю себя обязанным вскрыть уже совершенно недопустимую вещь, которую проделал тов. Зиновьев. Тов. Зиновьев ссылается в своей книжке на резолюцию XI съезда о профсоюзах. Тов. Зиновьев прямо говорит, — и заметьте, каким назидательным тоном, тоном, не допускающим возражений, стопроцентным назидательным тоном:

„Без иллюзий, без самообмана! Госкапитализм назовемте госкапитализмом. В резолюции Ленина „Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики“, принятой XI съездом РКП (1922 г.), мы находим специальный параграф (§ 2), который так и озаглавлен: „Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы“. Это есть решение съезда партии. Остаться в вопросе о госкапитализме полностью на точке зрения Ленина значит звать пролетарский авангард к тому, чтобы неустанной работой превратить госкапитализм с растущими элементами социализма в подлинный социализм, значит будить его бдительность, значит вести его от низшей ступени к высшей“.

(Зиновьев. „Ленинизм“, стр. 258.)

Что эта цитата утверждает? В этой цитате Зиновьев по сути дела говорит, будто в резолюции о профсоюзах Ленин прямо заявлял, что наши предприятия — государственно-капиталистические предприятия, весь строй тоже госкапиталистический и будто всякий, кто против этого протестует, отходит от ленинизма.

Я вначале, когда прочел, подумал: действительно — странное дело. Полез в протоколы съезда. Оказалось, что — гм... — про-

изошла небольшая „передвижка“. Я беру это место и читаю так, как оно есть: „§ 2. Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы“. Это заглавие параграфа. А дальше идет:

„Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частнохозяйственного капитализма. Успех такого регулирования зависит не только от госвласти, но еще больше от степени зрелости пролетариата и трудящихся масс вообще, затем от уровня культуры и т. д. Но даже при полном успехе такого регулирования противоположность классовых интересов труда и капитала остается безусловной. Поэтому одной из самых главных задач профсоюза является всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата и борьба его с капитализмом“.

(Резолюции и постановления XI съезда РКП (б), стр. 486: „Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы“, § 2.)

Я спрашиваю вас, где здесь ответ на вопрос, что такое наши государственные предприятия? Этого что-то нет. Почему этого нет? Потому, что дальше следует еще пар граф, название которого гласит: „Государственные предприятия, переводимые на так называемый хозяйственный расчет, и профсоюзы“. Вы понимаете, в чем дело? У Ленина здесь дано перечисление: вот капиталистические хозяйственные предприятия,— в отношении их наша позиция должна быть такая-то; вот государственные предприятия,— позиция такая-то; вот другие предприятия, позиция профсоюзов должна быть такая-то. А тов. Зиновьеву кто-нибудь из секретарей нарезал цитат и не посмотрел, что дальше следует. А он эту цитату — бабах! (Смех.) Мы полагаем, что если серьезно относиться к Ленину и серьезно относиться к тем резолюциям, которые Ленин писал, то нужно хотя бы мельком эти резолюции перечитать. Если бы тов. Зиновьев прочитал эту резолюцию и увидел бы, что за этим параграфом следует другой, тогда он не попал бы в эту скверную историю. Ведь не могу же я предположить, что он сознательно это сделал или что он резолюцию читал и ее не понял. Получается только один вывод: что он резолюции не читал. Поэтому мы должны прямо сказать: не читал Ленина — не излагай его идей другим!

Теперь, товарищи, как дальше обстоит дело с тов. Зиновьевым? Тов. Зиновьев в главных местах своей книги не изложил мнения Ленина о последовательно-социалистических предприятиях, в других главных местах своей книги просто неловко обошелся, мягко выражаясь, с резолюциями XI съезда партии; и напрасно он теперь стал в грозную позу и кричит: если вы отказываетесь от этих неправильно сформулированных цитат из Ленина, то вы тащите партию назад.

Никуда это не годится, и ничего из этого не выходит!

Дело, однако, не только в литературных произведениях и учебниках, которые в учобе партии и ее воспитании играют, однако, большую роль. Дело идет и о некоторых партийных документах. Вот у нас есть тезисы о молодежи, которые были написаны мною. Там был следующий пункт:

„Совершенно не случайно..., что остатки разбитых революцией партий... рисуют наши социалистические по своему типу госпредприятия, как просто капитализм или ту либо иную форму государственного капитализма“...

(Тезисы Бухарина о молодежи к XIV съезду РКП(б).)

Тов. Зиновьев два битых часа боролся, чтобы мы вычеркнули „либо ту, либо иную форму государственного капитализма“. Почему? Потому что он считал, что госкапитализм в буржуазном смысле слова для наших предприятий не годится, а „госкапитализм при пролетарской диктатуре“, о которой не написано учебников для наших школ, этот госкапитализм и есть наши предприятия; поэтому он смертельно боролся против этой формулировки и голосовал против нее.

А потом сюда выходит и говорит, что мы всегда были в том согласны, что наши госпредприятия являются социалистическими.

Так ведь играть нельзя.

Это несерьезно. Мы можем иметь серьезные разногласия, можем ошибаться, будем ошибаться, но нужно все-таки передавать правильно то, что пишет Ленин, правильно цитировать, правильно передавать мысль противника и сознаваться в том, что сам говорил ранее.

И тов. Евдокимов (ему все равно, что сказать,—он человек веселый, жизнерадостный, большой оптимист) на конференции Московско-Нарвского района, отчет о коей был помещен в „Ленинградской Правде“, в № 263, от 17 ноября, говорит:

„Элементы социалистического характера, или, по крайней мере, элементы государственного капитализма с зародышами социализма сильнее, чем элементы мелкобуржуазного характера“.

(Доклад тов. Евдокимова о работе ГК РКП (б) на 6-й партконференции РКП (б) Московско-Нарвск. района. „Ленинград. Правда“, № 263, от 17/XI—1925 г.)

Эта фраза должна отвечать на вопрос: что же из себя представляет наше предприятие?

Но она не отвечает на этот вопрос. (Евдокимов с места: „Вовсе она на этот вопрос не должна отвечать, надо весь доклад прочесть, а одно место читать нельзя“.)

Вы прочтете свой доклад, потому что вы записаны, тов. Евдокимов! Тут есть смешение этих категорий и такое смешение, где разграничения нет. Что из всего этого спора будет, если мы выделим вопрос специальный, не будем толковать о высоких материях и забудем о том, что было в 1921 году, а поставим вопрос, который поставили под давлением практической потребности сейчас, поставили потому, что новый рабочий приходит на фабрику и спрашивает, что представляет из себя эта фабрика.

На этот вопрос нужно ответить.

Когда рабочий спрашивает, что из себя представляет эта фабрика, партия обязана дать точный ответ. (Евдокимов: „Говорим всегда“.)

Вы говорите, но Зиновьев не говорит, Залуцкий не говорил, а теперь стал говорить, чему мы очень рады. И может быть и другие скажут,—тогда мы будем еще больше рады.

Если другие скажут, мы будем рады, но немножко странно, когда вы говорите, товарищи, что „мы“-де никогда ничего другого не говорили, несмотря на то, что это черным по белому стоит в ваших произведениях, и даже тов. Залуцкий сознался в ошибке.

Этот вопрос стоит сейчас, он вовсе не взят с потолка и не притянут ради исторического интереса и исторической справки.

Он поставлен, повторяю, потому, что сейчас пришли новые рабочие, которые спрашивают о характере наших предприятий.

Теперь разрешите несколько слов сказать относительно следующего: тов. Зиновьев и другие приводят в качестве тяжелых аргументов, во-первых, мой лозунг „обогащайтесь“ и затем цитаты из „Красной Нови“: о „социалистическом островке“. Они думают, что можно в каждом случае приводить эти козыри, но ведь и

карты стираются от употребления, как и бумажные деньги и другие предметы.

Я говорю относительно 1921 года. Здесь, говорят, Бухарин обвинял Ленина в пессимизме. Я советую прочесть статью Ленина на II съезде политпросветов, где Ленин говорит, что промышленности у нас почти нет. Это соответствовало действительности, потому что тогда мы находились в состоянии величайшего упадка. Были ли у меня разногласия?

Были, и я от цитаты из „Красной Нови“ не отрекаюсь. (Голоса: „Напрасно“.)

Напрасно? Хорошо, осудите меня всем съездом, но, простите меня, я думаю, вы должны понять, что вопрос в той формулировке, в какой он стоял в 1921 году, снят жизнью. И совершенно ясно, что только, мягко выражаясь, абсолютно странный человек может думать, что положение экономики тогда, когда мы производили какие-нибудь десятые доли довоенной продукции, а иногда один-два процента довоенной продукции, что это положение и оценка соответствующих экономических отношений может быть механически перенесена на такое время, когда мы имеем почти довоенный уровень.

Неужели это непонятно?

Владимир Ильич сам пишет об этом вопросе в своей книжке „О кооперации“, как он оценивает этот вопрос. Он пишет:

„Но их сомнения (т.-е. молодых товарищей) направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако они не замечали, что у меня название „государственный капитализм“ (Ильич пишет ведь, а не я пишу, я цитирую только все в противоположность другим товарищам, которые цитируют не все) употреблялось, во-первых, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов; а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику“.

Вот это первое место тов. Зиновьев в своей книжке привел, а второе место он не привел и обрывает со свойственным ему методом на самом интересном месте. А дальше сказано вот что:

„Во-вторых, для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии же, несомненно, были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма. Вот в каком виде представлялись для меня рассуждения о государственном капитализме“.

(Н. Ленин. О кооперации. Гл. II, стр. 10.)

К чему я привел эти цитаты, — я объясню. Я их привел потому, что вопрос об этих разногласиях, которые имели тогда объективную подоснову (пускай я ошибался в них на все 100%), они сейчас жизнью сняты по двум направлениям: во-первых, потому, что у нас чрезвычайно возросла государственная промышленность, а во-вторых, потому, что у нас нет концессий в таком объеме, как предполагалось. (Голос: „Тут у вас нет разногласий?“). Теперь не может быть никаких разногласий. (Голос: „Так и говорите“.)

Вы должны различать. Мне хотят приписать примерно следующее: Бухарин, мол, говорит, что Владимир Ильич ошибался, а я, Бухарин, оказался правым, и я как бы хочу взять реванш.

Это глупо, это смешно, что я якобы хочу взять реванш.

С другой стороны, смешно и то, что некоторые товарищи не понимают, что нельзя механически ставить вопрос точно так, как он ставился тогда, когда не было почти никакой промышленности и были концессионные планы, и теперь, когда у нас есть своя промышленность; тогда, когда у нас были широкие концессионные планы, и теперь, когда мы поставили своими силами всю промышленность и без так называемой „помощи“ извне, хоть от этой „помощи“ мы отнюдь не отказываемся и теперь.

Вот что я считал своим долгом сказать по вопросу о противопоставлении двух имен.

Лучше постарайтесь обсудить вопрос так, как он стоит сейчас. Теперь, товарищи, еще замечание.

Тов. Зиновьев в своей книжке не понимает одного места из Владимира Ильича, или понимает его формально.

У Владимира Ильича сказано: „Свобода торговли есть капитализм“. И тов. Зиновьев говорит: у нас свобода торговли, по-

сколько существует свобода торговли, значит, у нас сплошь капитализм.

Это такое упрощение вопроса, такая его вульгаризация, что волосы становятся дыбом, если они есть.

Что это означало, когда Владимир Ильич говорил, что свобода торговли есть капитализм?

Это означало, что свобода торговли есть такой порядок вещей, на основе которого постоянно рождается капитализм, но это не значит, что между свободой торговли и капитализмом можно ставить знак равенства в грубом смысле слова.

Вот пример. Если наше государственное предприятие „последовательно-социалистического типа“ покупает у другого государственного предприятия „последовательно-социалистического типа“ машины,—это ведь есть товарная форма. Верно. Это не есть социалистическая форма распределения. Верно. А есть ли это капитализм? Конечно, нет. (Голос с места: „А крестьянство?“) Вы кричите о крестьянине, и когда это говорите, вы не понимаете (я об этом буду говорить позже), что центр вопроса именно в том и заключается, удастся ли нам при помощи рычагов экономического воздействия повернуть через свободу торговли, минуя капиталистические рельсы, крестьянство по нашему пути.

Это — вопрос основной, ленинский. А вам стоит сказать: „свобода торговли“, — вы кричите: „капитализм“. Вы кричите грубоупрощенчески, вульгарно, не вникая в суть дела.

Так говорить нельзя.

Так нельзя говорить при детальном обсуждении вопроса.

У нас есть элементы государственного капитализма, есть элементы частного капитализма и элементы мелкобуржуазного хозяйства. У нас выделяются постоянно капиталистические элементы. Кто будет это отрицать? Глупо и стыдно говорить, что кто-нибудь отрицает это. Стыдно говорить. Вопрос стоял не так, — спор идет об оценке государственных предприятий.

Теперь позвольте, товарищи, перейти здесь к вопросу относительно пресловутого середняка. Конечно, иногда кажется очень странным, что мы обсуждаем так долго эти вопросы. Но эти вопросы суть вопросы актуальнейшей политики, которые мы обязательно должны рассмотреть.

Товарищи, правильно или нет, что некоторые товарищи недооценивают середняка?

Правильно.

Тов. Зиновьев пишет программную статью „Философия эпохи“. Она носила подзаголовок: „К XIV партийному съезду“. „Философия эпохи“—название претенциозное.

Это заглавие значит, что человек хочет выявить самую суть дела, самое основное.

Суть дела, как известно, в союзе социалистической государственной промышленности с основными массами крестьянства при опоре на бедноту.

В этом суть дела.

В „Философии эпохи“ у Зиновьева середняка не было.

Мы присоветовали ему этого середняка вставить. Он вставил.

Я не понимаю, почему он все крестьянство не желает вставить в „Историю РКП“. Здесь он более упорен и „последователен“, но середняка вставил. Тов. Каменев делал доклад на пленуме Московского Комитета, и у него тоже середняк исчез. Мы присоветовали ему середняка вставить, и он вставил, когда уже печаталась стенограмма.

Тов. Зиновьев в брошюре о XIV партконференции пишет о лозунге нейтрализации среднего крестьянства, а не о лозунге прочного союза с ним, на чем настаивал тов. Ленин для периода укрепления пролетарской диктатуры.

Далее. Зиновьев трактует решения XIV партийной конференции совсем не так, как трактует их партия.

Мы считаем, что решения нашей XIV партийной конференции являются в основе своей политикой налаживания и укрепления прочного союза с середняком. Только так мы считаем, а вы знаете, как тов. Зиновьев об этом пишет на странице 253 книги „Ленинизм“?

„Но нельзя торжествовать мнимую победу некапиталистической эволюции в сельском хозяйстве как раз тогда, когда нам приходится делать еще дополнительные уступки именно капиталистическим элементам сельского хозяйства“.

‘Зиновьев. Ленинизм, стр. 255.)

„Именно капиталистические элементы в сельском хозяйстве“.

Это что значит?

Это все равно, что сказать: нэп есть уступка именно крупному буржуа.

Вот как обстоит дело. Если мы с такой формулировкой придем и будем объяснять решения партийной XIV конференции так,

что такие решения сводятся к тому, что здесь уступка именно кулаку, тогда всех нас нужно прогнать.

И тов. Зиновьев не смел бы, мне кажется, так говорить, если бы подписался под решением XIV партийной конференции, потому что тов. Зиновьев заявил, что XIV партконференция по своему значению равноценна партсъезду, что решения XIV партконференции суть основные решения по крестьянскому вопросу.

И вот говорят, что эти решения есть именно уступка кулаку. Что это такое? Где мы находимся? Разве можно так трактовать эти решения? Нет. Этот номер не пройдет.

Мы на XIV партконференции принимали ряд решений, налаживающих прочный союз с середняком, а трактовка, которую здесь дает тов. Зиновьев, идет совершенно по другой линии: он проглядел и здесь середняка. Если он считает, что резолюции XIV партконференции—уступка именно кулаку,—это значит, что он не видит середняка и не понимает нашего партийного курса, не понимает всей важности союза с середняком.

Неужели это неясно? Это ясно доказано в его книге, и сколько на последующих страницах он ни замазывает вопроса, этого не вычеркнешь. Тут сказано четко и достаточно красноречиво.

Товарищи, здесь чрезвычайно много говорили о Богушевском, о кулацком уклоне. Что вы требуете в этом отношении? Скажите прямо. Вы требуете конкретных мероприятий?

Тов. Молотов вам от имени большинства ЦК предложил резолюцию, которую вы приняли. Это ведь факт? Можете ли вы еще что-нибудь предложить? — Ничего. Мы Богушевского давно осудили. Лозунг „обогащайтесь“ я трижды снял. Я повторяю и не стыжусь сказать, что о двух уклонах в нашей партийной печати первый сказал я задолго до XIV конференции, и на партийной конференции особенно резко я это подчеркнул.

И после того, как вы мои мелодии перепеваете, вы же обвиняете меня в противоположном.

Извините, я не знаю, насколько это добросовестно...

Позвольте выдать еще два секрета. Я думаю, что товарищи из Политбюро не будут за это на меня в обиде, потому что против меня ведется неслыханная травля, но я тоже „не устал“ и могу выдержать еще. Вы хотите знать: принципиальные части резолюций на XIV конференции и на октябрьском пленуме написаны моей рукой, а вы подписались под ними, — и после этого

вы выступаете и говорите, что у меня кулацкий уклон. (Бадаев с места: „Расскажите подробно предшествующую историю“.)

Я сейчас, тов. Бадаев, расскажу „предшествующую историю“. Вы не только не умеете считать, но не имеете элементарной памяти насчет событий. Вы хотите прилепить устами т. Зиновьева штуку о том, что вы приняли на партийной конференции правильную позицию, а я в числе прочих начинаю разъяснять эти решения в духе лозунга „обогащайтесь!“. Но ведь слово „обогащайтесь“ было произнесено задолго до партийной конференции!

Так что я никак не мог разъяснять решений XIV партконференции, которая была через несколько недель после этого.

Затем относительно уклонов.

Все это было взято из того же самого доклада. Тов. Саркис думает, что если статья потом была помещена в „Большевике“, то я должен был уничтожить ряд вещей и потом сказать, что я не говорил того, что я говорил. Но это—саркисовский метод, а не мой.

Так вот, товарищи, как обстоит дело наше с середняком. Нам сейчас хотят сказать, что вы хотите смычку с середняком сделать через голову бедняка.

Откуда вы это вычитали?

Где вы это нашли? Ничего вы не можете доказать, ничего у вас нет за душой. Но так как вы любите показывать фокусы из резолюций XI партсъезда, из ленинских цитат, то почему же вам и здесь фокуса не показать, почему вам из ничего не сделать чего-то, как фокусник делает. Партийный съезд—не подходящее место для этого, и партийная дискуссия—тоже не подходящее место для этого.

Чего вы хотите еще, что вы предлагаете конкретного? Вы, может быть, хотите сказать относительно Богушевского?

Он осужден.

Вы, может быть, хотите сказать относительно „обогащайтесь“? Это трижды снято.

Но, товарищи, надо вам сказать, что вы совершенно не признаете элементарнейшей справедливости. Вы пользуетесь только тем, что мы не применяем по отношению к своим оппонентам той политики, которую применяете вы, потому что мы никогда не требовали от т. Зиновьева: откажись публично от своей ошибки, когда ты пропустил все крестьянство, откажись от этой ошибки публично.

Мы вам потакали вносить путаницу в умы молодежи этим самым, так называемым, „ленинизмом“, в котором „пропущено“

все крестьянство, мы это делали потому, что у нас было много других дел. Мы думали, что у вас самих найдется достаточно такта и мужества исправить эту ошибку. (Аплодисменты.)

Товарищи, я подхожу к концу своей речи и останавлиюсь еще на одном замечании. Книжка Зиновьева называется „Ленинизм“. Но если бы вы стали там искать такие принципиально важные места, которые касаются таких вопросов, как перемена лозунга гражданской войны на лозунг гражданского мира, вы там этого не найдете. А это—важнейшая вещь для понимания всей тактики нашей партии. Тов. Ленин говорит, что тот смешон или хуже, кто не понимает, что в нашу эпоху лозунг гражданской войны сменяется лозунгом гражданского мира. А ведь меня поносили за эту ленинскую мысль и только тогда успокоились, когда я привел вот эту цитату: „смешные или хуже“.

В книге Зиновьева об этом нет ни одного слова. Есть ли там хоть какое-нибудь развитие основной мысли Владимира Ильича, есть ли великолепная цитата о реформистских методах из статьи о значении золота? Нет, все это, сказанное Лениным, совершенно исчезло для т. Зиновьева. Есть ли развитие мысли о мирно-организаторском характере работы, о том, что нужно поменьше политической трескотни? Нет. Почему? А вот я вам сейчас скажу, почему и как ларчик открывается.

Тов. Зиновьев здесь вам читал, как Ленин ставил вопрос относительно кулака: помните „кровопийцы“, „вампиры“ и т. п. Товарищ Зиновьев думает, что он на волостном сходе и что он новость большую открыл партийному съезду. А вы знаете, что дальше т. Зиновьев пишет в своей книжке?

Когда это Ленин говорил? Вы должны это вспомнить. Он сказал это в 1918 году. А что это значит—в 1918 году? Это было тогда, когда мы впервые формировали продотряды, объявили крестовый поход против кулака за хлебом. (Голос: „Он ведь говорил—в 1918 году“.) Разве нельзя повторить столь справедливые слова? Тут я совершенно согласен с т. Зиновьевым. Но вы знаете, что он дальше пишет? Дальше он пишет, что таким языком мы должны будем разговаривать еще не раз.

Вот в чем дело.

А если мы должны будем разговаривать еще не раз, значит мы должны организовывать крестовые походы в военно-коммунистическом духе. Я подчеркиваю слова Зиновьева, что таким языком нам придется говорить еще не раз.

В каком смысле придется? Если будет война, придется? Может быть. Но ведь вы пишете злободневную книжку, ведь в предисловии Зиновьева написано, что он берет актуальнейшие и самые жгучие проблемы. Какая у нас сейчас основная линия?

Основная линия нашей партии заключается в том, что мы уничтожаем остатки методов военного коммунизма, что мы боремся с кулаком другими способами.

Вот это вы оспариваете. И этим вы тащите партию назад. Я утверждаю, что у вас была скрытая мысль сорвать решения XIV партийной конференции. В этом ваш курс и заключается. А если вы здесь ворчите, что это не так, то я думаю, что даже Пушкин не объяснит, зачем понадобилось здесь говорить те фразы, которые т. Зиновьев здесь говорил.

Я должен сказать еще пару слов.

Мы должны сейчас против кулака поставить все загородки, мы должны сейчас считаться с ростом дифференциации крестьянства, должны считаться с тем, что на ближайший период у нас будет обострение классовой борьбы. Надежда Константиновна смеется и будет, вероятно, выступать против меня. Но у Надежды Константиновны такой обычай: когда ее спрашиваешь: что, вы читали что-нибудь по этому вопросу, по поводу теперешнего спора в „Ленинградской Правде“?—она отвечает: „нет, не читала, ведь это склока“.

А Ильич нас учил не так относиться к делу. Ильич нас учил читать все то, что наши противники или друзья пишут, все изучать. Если бы вы попробовали все изучать, то тогда бы вы увидели, что и я, грешный, в каждом выступлении подчеркиваю и говорю о том, что у нас будет на первых порах обострение классовой борьбы в деревне. В каждом выступлении! Но если хотят все перевернуть, сделать фокус, — если с Лениным делали фокусы, то почему же с другими их не делать?

Вот, товарищи, я должен сказать здесь еще последнее. Конечно, у нас есть много новых опасностей, опасностей и международных, потому, что мы включились в международный рынок, становимся более уязвимыми, и внутренних, потому что у нас сейчас величайший рост классовой активности и рост классовой дифференциации, но, товарищи, мы должны сейчас в первую очередь спланировать наш класс, рабочий класс.

Перед нами есть великая задача, которой не хотят видеть эти „оптимисты“, которые на деле являются пессимистами; они не

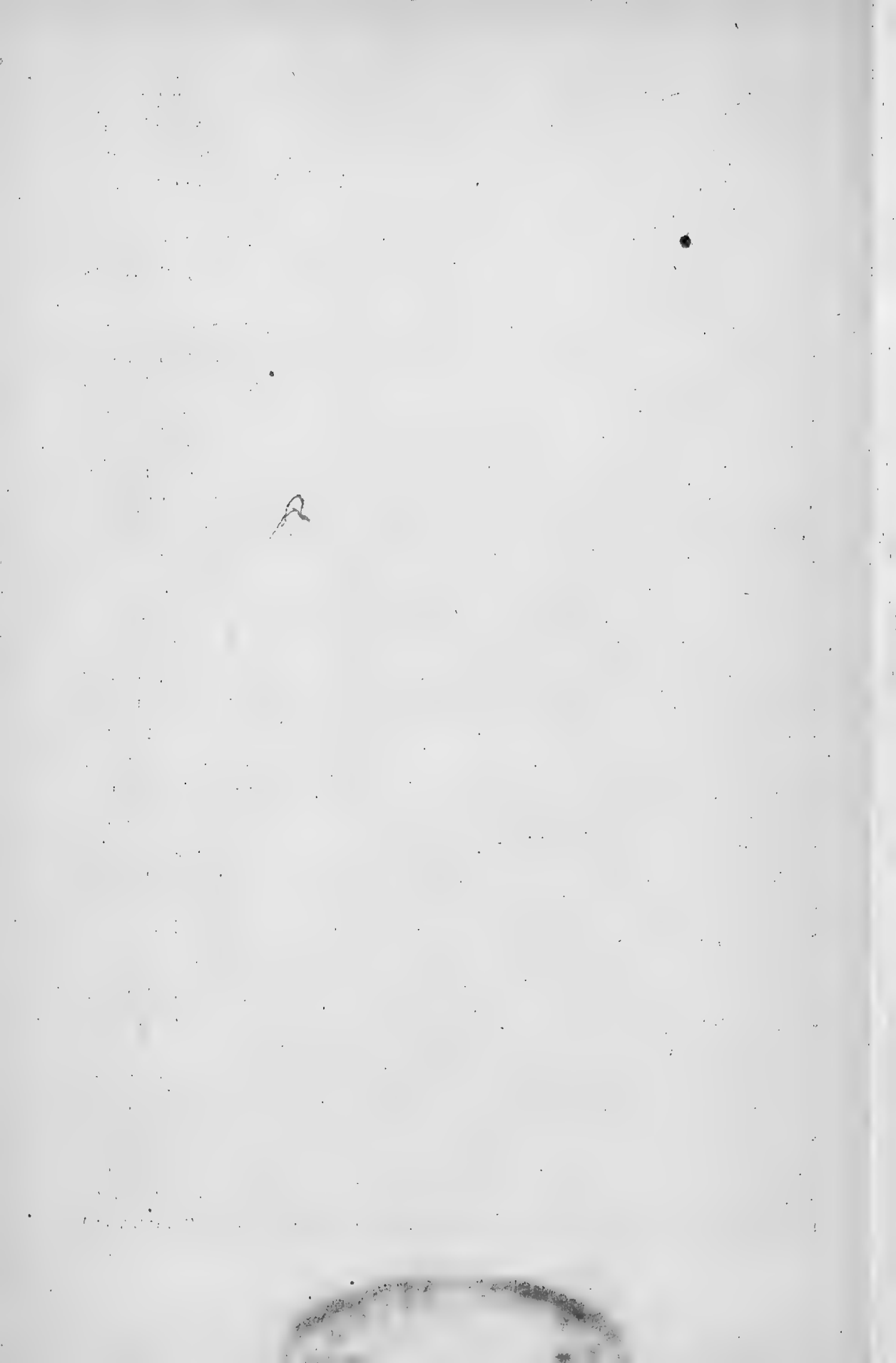
понимают, что перед нами величайшая задача по воспитанию новых слоев рабочего класса, и если сейчас мы им, новым рабочим, как-нибудь дадим понять, что мы строим не социализм, а госкапитализм и только, что мы не в состоянии будем справиться с неизбежными трудностями нашей технической отсталости, что международная революция затянулась, а техническая отсталость нас тянет ко дну, то мы, товарищи, с такой психологией должны бороться.

Если т. Зиновьев приходит сейчас и говорит, что отстаивает свою позицию, дерется за свою позицию, то нужно делать это не в форме содоклада против ЦК. (Аплодисменты. Шум.) Мы бы пришли к общим решениям, и у нас было бы единогласие. Но если вы с места в карьер начинаете шпарить на своих районных конференциях и на своей губернской конференции, а потом приходите сюда и выставляете своего собственного содокладчика против докладчика ЦК, я утверждаю, что это опасно. И вот мы хотим, чтобы вы все, подобно тому, как тов. Залуцкий признал свою ошибку в вопросе о госкапитализме, как Ленинградский Комитет признал ошибку т. Залуцкого, признали ошибку в том вопросе, по которому идет у нас дискуссия. Главное — пусть будет признана ошибка, которая выражается в том, что товарищи, мягко выражаясь, проявили величайшую нелояльность по отношению к высочайшему учреждению нашей партии, к ЦК нашей партии. А ленинградский губком снимает с места секретаря и посылает на съезд, а испытанных борцов вроде Комарова на съезд не выбирает (аплодисменты), потому что они обнаружили лояльность по отношению к ЦК нашей партии. (Возгласы: „Позор!“)

Товарищи, я должен сказать, что одной из составных частей большевизма в организационном вопросе всегда являлась сплоченность, пролетарская дисциплина нашей партии, полная лояльность к ее руководящим учреждениям. Сколько угодно боритесь, сколько угодно критикуйте, сколько угодно нападайте, но не создавайте фракций. (Шум.) Железная дисциплина в нашей партии должна быть сохранена! (Аплодисменты.)

Позвольте, товарищи, высказать уверенность в том, что, какие бы решения наш партийный съезд ни принял, мы все, как один человек, в том числе и Залуцкий, и Евдокимов, и все ленинградские товарищи (голоса: „Зачем вы это говорите?“) признаем решения партийного съезда единственным окончательным истолкованием ленинской партийной линии. (Бурные аплодисменты.)

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Речь на XIV всероссийской конференции РКП(б) 29 апреля 1925 года . . .	5
Речь на XIV московской губпартконференции 6 декабря 1925 года	15
Речь на XIV съезде РКП(б) 19 декабря 1925 года	41
